

Алина Багазова

«Ангелы без крыльев»

*Посвящается моему дорогому ангелу Талиночке.
Я тебя никогда не забуду!*

Часть 1

— Тебя подвезти?

Из-за полуопущенного стекла багрово-красной «Тойоты» на меня с широкой улыбкой смотрела симпатичная девушка в крупных солнцезащитных очках. Я огляделась по сторонам, чтоб удостовериться, что вопрос незнакомки обращён именно ко мне, но автобусная остановка, где вот уже минут десять прозябала в ожидании, оказалась на редкость безлюдной. Если совсем искренне — эти десять минут я провела в гордом одиночестве, так как работающий люд в этот час уже благополучно занял свои места, мне же предстояло вовремя добраться в университет. Сессия «подкралась незаметно»...

— Вы мне? — переспросила недоумённо, вспоминая, откуда могу знать её.

— Именно так, — рассмеялась девушка, тряхнув копной волнистых каштановых волос, — прекращай выкать и садись, рыжик, следующий

автобус нескоро, сломался на линии.

«Рыжик» — ну всё ясно, так меня только самые близкие друзья называют, значит, мы и впрямь раньше пересекались в тесном кругу, странно, что забыла...

Без колебаний, а даже с радостью — не опоздаю — обошла машину, распахнула дверцу рядом с водительницей. И отпрянула от неожиданности: место занято, удивительно, как не заметила с остановки этого голубоглазого мужчину с чёрными волосами, чуть тронутыми сединой, несмотря на явно молодой возраст. Едва ли он старше меня больше, чем лет на пять. А глаза... где-то я совершенно точно видела эти глаза, этот взгляд! Мысль мельком проскочила в голове, а девушка в очках лукаво махнула рукой:

— Садись назад.

Послушно забралась в салон, где негромко мурлыкал из магнитолы Эрик Клэптон. Машина мягко тронулась. Откинулась на спинку и только открыла рот, чтоб поинтересоваться, где же мы ранее виделись, как парень, вполоборота повернувшись ко мне, спросил приветливо:

— Как тебя зовут?

— Лиза... — ответила машинально, недоумевая.

— Меня Олег, а это Катюша, — представил парень.

— Так... что, мы не знакомы?

— Теперь знакомы, — улыбнулась Катя, не отрывая взгляда от дороги, — очень рада тебя видеть, Лиза!

— Подождите, ничего не понимаю, — пролепетала я в полной растерянности, — зачем вы меня позвали, если...

Они оба в унисон вздохнули. Олег пожал плечами и кивнул спутнице, меня этот жест насторожил. И, как оказалось, не зря.

— Лизок, ты веришь в ангелов?

Вот это да, угораздило же меня повестись на дружескую улыбку... Сектанты!

— В каком смысле? — я напряглась.

— Расслабься, мы к религии не имеем никакого отношения, — «успокоил» Олег.

А вот теперь мне стало гораздо муторнее — в прах развеялось самое логичное, самое удобоваримое предположение. Я вообще-то никогда не сажусь в машины к незнакомым, не имею такого желания, опыта, а тут... погорела на «рыжике». А и впрямь, с моим огненно-рыжим цветом волос в точку попасть мог бы каждый. А «попала» кажется, я.

Они молчали, я тоже, пока не поняла, что они всё ещё ждут ответа на первый вопрос.

— Допускаю, что они существуют где-то там, на небе... — сказала очень осторожно.

Ответ отчего-то их повеселил, Катя прыснула, а Олег исподтишка хихикнул, но потом оба враз скорчили серьёзные лица.

— Ну а на Земле? — хитро прищурился Олег, снова полуобернувшись.

— Я не знаю, — из глубины души начала подниматься паника: странные, непонятные вопросы, — куда мы едем?

— По маршруту твоего автобуса, — кивнула Катя, — Лиз, нам надо серьёзно с тобой поговорить.

— Серьёзно? Мы только что познакомились! — я нервно хихикнула, едва не сорвавшись в истерику.

— Пожалуйста, не бойся нас, ты в абсолютной безопасности, — она без намека на шутку глянула на меня, не снимая, однако, очков, — и разговор предстоит действительно очень важный.

— Стоп, подожди, Кать, — прервал вдруг подругу Олег, погрузившийся, как мне показалось, в легкую задумчивость, — можно я задам девочке один вопрос? Ты часто в последнее время бываешь на кладбище, Лиза?

Вопрос прозвучал, как выстрел в лоб. Откуда ему знать?

Какое-то время назад я действительно зачастила на кладбище. Как сейчас помню: после смерти бабушки, аккурат в моё восемнадцатилетие,

то есть четыре года назад, однажды впервые после бессонных ночей и выплаканных слез, ощутила себя там очень спокойно, умиротворённо и, словно бы, на своём месте. Это потом жизнь закрутила-завертела: учёба, новый роман, переросший в серьёзные отношения, домашние дела рутинные... А дальше начались неожиданные проблемы с родителями, и я незаметно для себя стала приходить на бабушкину могилку, а впоследствии просто повадилась гулять часами по кладбищенским широким дорожкам. Всё чаще и чаще после работы, которая не приносила удовлетворения, перед возвращением домой, где тоже было мало радостного, до позднего вечера...

Как странно: на кладбище, в этом пристанище мёртвых, мне было лучше, чем среди живых. Там я словно обретала себя.

Но я ни с кем никогда не делилась этой самой важной частью своей жизни...

— Да... — решившись, едва выговорила пересохшими губами.

— Ну, я так и понял, — Олег поднял большой палец руки кверху, обращаясь с этим жестом в Катерине, — Проводник либо Хранитель. Нам необычайно повезло! Город нуждается и в том, и в другом.

— Думаешь? — с сомнением протянула та, — может быть и Муза потустороннего мира...хотя

скорее Проводник. Это ставка лично моей интуиции.

— Поспорим? — азартно воскликнул Олег.

— Не стоит... — медленно, понизив голос, осадила Катя, наблюдая в зеркальце заднего вида моё, перекошенное растерянностью, бледное лицо (уже даже не пыталась всерьёз воспринимать этот театр абсурда), — довольно издеваться над бедняжкой, давай уже скажем ей всё прямо?

— А может не надо? — я вдруг чего-то испугалась, — можно тут выйду? Пожалуйста...

— Милая моя девочка, — Катя, однако, послушно припарковалась у обочины, сняла очки, повернулась ко мне, и стало очевидно: она постарше, чем вначале показалось, пожалуй хорошо за тридцать.

Тут бы и выпрыгнуть из машины, но что-то непонятное цепко удерживало на месте.

— Давай, пожалуй, я сначала сама расскажу тебе немного о твоей жизни?

Я невольно сглотнула комок в горле, она же продолжила:

— Четыре года назад, когда тебе исполнилось восемнадцать, ушёл человек, который тебе был дороже всех, ближе матери...

— Умер, — уточнил Олег, Катя поморщилась, но кивнула.

— Бабушка... — еле слышно проговорила я,

теряя ощущение тела. Словно проваливалась куда-то.

— И с того самого момента всё словно пошло наперекосяк, верно? Учёба не ладилась, чувства к любимому мужчине сначала заискрились с новой силой, а потом вдруг стали затухать и превратились в привычку, чем и являются до сих пор...

Я вспыхнула, но перебивать не стала.

— Он использует тебя, так неприкрыто, так явно, что даже ты сама уже заметила и сомневаешься: стоит ли идти за него замуж. Скажу прямо — не стоит. Иначе жизнь превратится в сплошную трагедию и беспросветное существование двоих совершенно чужих людей. Но пока ты склоняешься к обратному, желая поскорее сбежать от родителей. В родной семье несладко, жить в окружении тиранов не хватает душевных сил, верно? И ты из огня готова хоть в полымя...

— Катюш, — укоризненно шепнул Олег, — помягче.

— Это именно мягко, — грустно улыбнулась она, — правда, Лизок? Слушай дальше. Скоро начнутся проблемы с учёбой, вереница неприятностей, способная привести к упадку сил и духа. Всё, что происходило до того, покажется раем. Удивительно ещё, что события настолько медленно разворачиваются... Обычно, в течение пары лет непроявленный так или иначе принимает

решение и тогда встречает нас.

Я слушала испуганно, недоумеваю, что вообще происходит. Какие-то нелепые предсказания, намёки... Почему-то сразу подумалось о цыганах. Это их метод: замутить сознание, ловко выудить информацию о человеке, преподнести ему в пугающем свете, чтоб тем самым зомбировать и манипулировать им. Ведь, в сущности, не так всё плохо в моей жизни: мужчина какой-никакой — всё же есть, родители... Ну немного авторитарны, диктуют ещё, как себя вести и что носить, так это оттого, что по сути являюсь ребёнком для них. Данное давление — лишь проявление заботы людей, достигших в жизни немало, о своей дочери. Я не могу себе позволить сейчас снимать жильё, мой молодой человек тоже делит площадь с родителями, и мы оба работаем на то, чтоб откладывать деньги для будущей (надеюсь, скорой) покупки квартиры. Так многие делают. Да, во время наших встреч я оплачиваю всё и вся, но лишь потому, что такой вариант нам удобнее: Лёша получает зарплату на карточку и там сохраняет, а на мою мы существуем. Правда иногда закрадывалось подозрение, что он что-то утаивает... К примеру, Алексей как-то не смог назвать мне точной суммы, уже накопленной, время от времени у него появлялись дорогие новые вещи, которые он объяснял подарком от родителей. Я знала, что его

родители — простые работяги, считающие каждую копейку, но всё же не расспрашивала. Если не доверять с самого начала — зачем вообще строить какие-то отношения? Сейчас, слушая Катю, я пересматривала ситуацию, но старалась эмоционально не поддаваться на уверенный тон девушки, которую и знаю-то меньше часа.

Но отчего-то на глаза вдруг навернулись слёзы, предательски защемило в груди и — ох — снова неприятное ощущение, что я живу впустую, не своей жизнью, не тем, к чему меня на самом деле тянет. Хотя объяснить себе, к чему же — не смогла даже сейчас. Так, что-то смутное, подсознательное проскакивает...

— Зачем ты мне сейчас всё это говоришь? — спросила наконец, глубоко вдохнув и вздернув лицо, стараясь не дать закипающим слезам воли. Предательская внутренняя жалость к себе заполнила, обжигала тоской.

— Потому что ты одна из нас, — ровно ответила Катя, и что-то в эту секунду ёкнуло в груди, прежде чем я восприняла и оценила её слова.

— Из кого?

Катя с Олегом спокойно переглянулись.

— Одна из ангелов.

— То есть, вы ангелы? — нервно усмехнулась я, шмыгнув носом. Плакать внезапно перехотелось.

— Именно так, — лаконично ответил Олег,

прищуриваясь.

— И где же ваши крылья? — рассмеялась.

— Мы ангелы без крыльев, — Катя смотрела на меня ласково, чуть наклонив голову. Так смотрят на малышей, объясняя им очевидное.

— И ты тоже, — Олег подмигнул, — только ангел непроявленный.

Господи, дурдом на выезде, даже дар речи пропал на время, не давая ни малейшего шанса врожденному красноречию. Ангелы! Великовозрастные дети заигрались в ролевые игры или мне «повезло» очутиться в машине сумасшедших? Одно другого не лучше.

— Хорошо... — я принялась говорить тихо, ровно, чтоб не разозлить их, — вы рассказали обо мне, я это...ну или не совсем это, знала прекрасно сама, но всё равно спасибо. Потом... ммм...представились ангелами. Это забавно, прикольно, да, но...меня эта тема никогда не интересовала особо, пусть хоть даже у вас и были бы крылья, нимбы. Одна из вас? Ну не знаю...с детства не отличаюсь ангельским характером, судя по рассказам родителей, скорее наоборот, была сущим чертёнком. Следовательно, вы ошибаетесь. Самое интересное, я не поняла, для чего вам это нужно: сажать в машину первую попавшуюся девушку и грузить её на эту тему?

Катя вздохнула.

— Ты не первая попавшаяся, — терпеливо, нисколько не обижаясь, ответил Олег, — мы заметили тебя, как непроявленную пока...

— И очень удивились, — подхватила Катя, — что в таком возрасте ты ранее никак не обнаружила себя. Хотя, были прецеденты и покруче, когда ангел доживал до четвёртого десятка в полном неведении...

— Прожектер? — улыбнулся Олег.

— Он самый, Сашок, да, — кивнула Катя, — чудесный человек, сколько лет его жизнь была нещадно, всё вынес, выстоял. Не сломался. А ведь, случалось, многие даже собой кончали...

— Можно по существу? — грубо перебила я, размышляя, не пора ли мне, наконец, покинуть это общество умалишённых.

— Прости, конечно, — смущенно улыбнулась Катя, — дело было так: мы мирно ехали, говорили о предстоящем бале и вдруг заметили твоё сияние.

— Сияние? — иронически усмехнулась я.

— Непроявленные ангелы тоже сияют, хотя и не так интенсивно, как проявленные, — пояснил Олег. Его пояснение не только не передало сути, но и нагнало туману.

— Не смогли проехать мимо, — пожала плечами Катя, — помогать друг другу наш священный долг, мы все здесь с одной целью.

— И с какой же?

— Вообще-то миссии у всех разные, поправилась девушка, — но цель и вправду одна. Своеобразный «экзамен» на получение крыльев.

И тут я рассмеялась. Представила себе, как они с серьёзными лицами отвечают по билету, а вместо записи в зачётку — им гвоздями к спине крылья прибивают. Нелепица — не то слово, полный абсурд!

— Так! Всё, ребята, было интересно и *познавательно*, — сделала ударение на этом слове, — пообщаться, но я в эти игры не играю.

— Лизок, это не игры.

— Угу. Ну тогда всё гораздо серьёзнее, чем я предполагала! — сделала вывод и схватилась за ручку.

— Постой-ка! — Олег ловко извлек из кармана и протянул мне серый четырёхугольник, — моя визитка, позвони, если что.

— Если ЧТО? — осведомилась устало и уже зло. Из-за них ведь опоздаю...

— Лиз, сейчас мы не можем тебя задерживать и уговаривать, выбор будет за тобой. Но если жизнь прижмёт так, что станет совсем невыносимо и ты решишься всерьёз воспринять то, что мы готовы рассказать о твоей миссии — позвони Олегу, в любое время дня и ночи, — тихо произнесла Катя, — охотно поможем, познакомим с другими ангелами, поймёшь, что не одна такая в городе. А

потом и сама сможешь видеть. И ты зря думаешь о секте.

— Я не знаю, кто вы... — распахнула дверцу, демонстративно отворачиваясь от протянутой визитки, — но несёте такую чушь! И я в это лезть не хочу. Хватит мне собственной неразберихи в жизни, чтобы усугублять. Пока!

Выбралась наружу, захлопнула дверцу и, не оборачиваясь, твердо пошла прочь. Подспудно ждала, что крикнут что-то в спину, морально готовилась проигнорировать любые усилия и попытки, но меня не окликнули. А спустя несколько шагов услышала лёгкий шелест, с которым машина отделилась от обочины и свернула за поворот. Вместе с этим кольнуло что-то в груди, будто бы упустила какой-то важный момент в происшедшем. Ну вот это уже совсем лишнее!

Да, приключеньице... Мне с утра не хватало для поднятия настроения как раз парочки сумасшедших, и кто таким только права выдаёт? Да и, стоит признать, машина шикарная. Везёт же людям... Нам с Лёшенькой на такую копить лет десять, мы и на квартиру-то в нашем небольшом городке насобирать который год никак не можем.

Уныло вздохнув, побрела пешком, благо уже рукой подать до университета.

Ангелы! Из головы ни в какую не шли услышанные глупости, никак не получалось

сосредоточиться на предстоящем зачёте, к которому готовилась едва ли не всю ночь. Пупс — так мы называли преподавателя юриспруденции и права — кругленький, лысенький, маленький, но бойкий человек 45-ти лет, отличается настоящей бульдожьей хваткой при допросе студентов. Не отвяжется, пока все соки не выжмет, не истреплет нервы и не заставит мысленно проклинать тот день, когда студент перешагнул впервые порог данного учебного заведения.

Денег лучше даже не пытаться предлагать, не возьмёт, зато потом раз и навсегда занесёт в «чёрный список» персональных врагов и дальнейшая учёба точно не покажется малиной. Принципиальный, как бетонный столб, стоит на своём — не сдвинешь и бульдозером. Но вот если демонстрировать безоговорочное прилежание, то с ним вполне можно уживаться. У меня примерность была периодичной, потому и отношение ко мне регулярно менялось, варьируясь от минуса к плюсу и обратно.

* * *

— Здравствуйте, Денис Русланович! — почтительно опустила глаза, столкнувшись в фойе, по закону подлости, именно с тем, кого меньше всего хотела бы увидеть.

— А! Студентка-заочница! — недобро сверкнул глазами из-под редких бровей гроза факультета, — готова к зачёту? Или как обычно?

Сдержалась, чтоб не напомнить, что, обычно, мы мирно ладили.

— Я вот тут списочки подготовил, на отчисление... — зловеще потряс он бумагами прямо перед моим носом, — а то пораспустились, ишь. Юристов, слышь, как собак нерезаных, а настоящих специалистов — с гулькин нос!

— Денис Русланович, — окликнула Пупса преподавательница истории права, по счастью, проходившая мимо, — доброе утро, чего спозаранок-то бушуем, на студентов ужас наводим?

— Наведёшь на них, Тамара Григорьевна! — сбавил тон, нервно пригладив лысину, — они ж ничего не боятся. А у меня тут комиссия из столицы, списки требует, по неуспевающим.

— Да бросьте! — историчка рассмеялась, — к заочникам пустое цепляться, пусть уж учатся. Это дневное чистить надо.

— По хорошему бы... всех разогнать. Во так. Учатся поголовно на диплом, а не на знания. Последний выпуск уж и не помню который был, когда...

Пользуясь случаем (нечасто Пупс впадает в ностальгию), я потихонечку улизнула. Поднимаясь на второй этаж в аудиторию, перебирала в голове

невесёлые мысли насчет сегодняшних перспектив. Настроение у препода — хуже не придумаешь, а тут ещё надо было подвернуться под его раздражение! В голове у меня после ночной зубрёжки, можно сказать, пусто, все знания с перепугу попрятались. А на их месте, нагло вытеснив, несуразные разглагольствования о религиозных персонажах, которым почему-то Бог крыльев не дал... Крепко зацепило. Вот уж точно, плохое человек запоминает лучше, чем хорошее, и в голове сейчас звучали мрачные пророчества незнакомой девушки Кати о моём нелегком, полном лишений, будущем.

В аудитории мрачно готовились к экзекуции такие же бедолаги от образования. Прошла на своё место, кивая в знак приветствия по пути, задерживаться и болтать ни с кем не хотелось. Да и с кем? Группа маленькая, четырнадцать человек студентов, из них половина — мужского пола, ещё четверо — девушки, с которыми у меня взаимопонимания не сложилось, а следовательно я их даже в лицо не утруждалась запомнить и лишь с двумя я более или менее общалась. Но последних ещё не было.

Уныло уселась на своё место, принялась копаться в сумке, выкладывая тетрадки, когда неприлично радостно затренькал мобильный.

— Да, Лёш...

— Чего голос такой? — зазвенел в трубке как всегда довольный жизнью Алексей, — по времени вроде бы ещё успел до занятий?

— Успел... Я только пришла. Зачёт у нас, а Пупс не в духе, остаётся только молиться... Ругай там меня покрепче.

— Всенепременно! — охотно пообещал милый друг, я хмыкнула, — во сколько закончите? Может, встречу и прошвырнёмся куда-нибудь? Я соскучился...

— А работа? — удивилась, зная прекрасно об его полном рабочем дне, загруженном графике.

— Да там аврал, в здании прорвало канализацию, всех распустили по домам, ибо дышать нечем, впору от смрадного духа в обморок валиться. Так что я свободен. Давай в кафе посидим?

Я спешно прикинула в голове свой скромный бюджет, и настроение ушло в минус.

— Может быть... Слушай, Лёш, извини, но мне ещё повторить бы надо лекции. Жди к трём у входа в универ.

— Договорились!

Минуя привычные сюсюканья и нежные прощания, я отсоединилась и тупо уставилась в стол. Перед глазами его поверхность расплылась. Планировала сегодня купить себе кеды, очень удобные, а то в одних и тех же туфлях порядком

надоело, постоянно ими ноги натираю, да и вообще...хочется чего-то нового. Но, видимо, не получится, не в этот раз. Один поход в кафе лишит меня этой возможности. Ладно, потерплю уж до следующей полочки, которая теперь не скоро из-за сессии. Мы ведь с Лёшей и впрямь редко видимся, графики наших жизненных ритмов работы-учёбы нечасто пересекаются в удобном виде. Да ещё и в последнее время я и так несколько раз отказывалась от встреч: не было совершенно настроения и самочувствие оставляло желать лучшего — наверное, весенний авитаминоз накрыл. Скорее бы уже купить квартиру, где мы могли бы жить вместе, не придумывая мучительно, где в очередной раз встретиться, у кого из друзей попросить ключи, чтоб уединиться, потому что у меня дома концлагерь, а у него — больные родители, которым, кстати, я ещё не была представлена.

Глянула на часы и охнула: осталось около пяти минут! Выхватила тетрадь с конспектами и принялась судорожно листать, отодвинув сумку в сторону. Просто красота с моей головой, совсем ничего не помню.

Боковым зрением заметила под локтём что-то серое, непонятное, машинально двинула рукой и смахнула на пол. Наклонилась, подняла и оцепенела, всматриваясь в визитку Олега: просто имя, просто номер телефона, ничего лишнего. Но,

как она у меня очутилась? Явно выпала сейчас из сумки. А когда он успел туда её сунуть? Ничего не понимаю. Помню ясно, пока выбиралась из машины, он всё так же растерянно держал её в руке, глядя вслед. Наружу точно не выходил...

Я постучала пальцами по столу задумчиво, ощупала картонный ламинированный квадратик: явно не плод моего воображения. Вновь рассеянно вспомнила о лекциях — немудрено, вся группа вокруг усиленно шелестела конспектами, ребята повторяли, монотонно бубня.

Пожала плечами, зачем-то сунула визитку в нагрудный карман джинсовой куртки и с облегчением мгновенно забыла об её существовании, окунувшись в зубрёжку.

* * *

Полуденное солнце неприятно ослепило, едва я покинула двери университета. Слезы мгновенно навернулись на глаза, и не только от жгучих лучей, да на душе кошки скребли. Пупс зверствовал всю пару, в немилость попали даже отъявленные любимчики... Весной не только у душевнобольных обостряются расстройства и случаются рецидивы, но и просто у людей неуравновешенных.

Короче, зачёт завалила. Не повезло попасть в последнюю пятёрку, когда нервы милейшего

Дениса Руслановича сдали окончательно, и он метал неуды направо и налево. Передача теперь лишь в понедельник, принципиальный преподаватель категорически не согласился на субботнюю встречу, сославшись на занятость. Ага, знаем мы эту занятость, именуемую вредностью. Чтоб студентам выходные малиной не показались, дабы зубрили, ночей не спали, а о развлечениях даже не помышляли.

Оттого вид сияющего, как начищенный пятак, Алексея, бодро шагающего навстречу, вовсе не порадовал, а даже пробудил в душе глухое раздражение. Может быть весеннему психозу и я подвластна тоже? Некрасиво и нечестно срывать на любимых людях раздражение, усилием воли натянула улыбку и смахнула слезы.

— Привет...

— Сдала?

— На понедельник перенесли, — соврала ничтоже сумнящся. Не хочу выслушивать соболезнования и наблюдать скорбный вид страдающего.

— Вот и здорово! Зря нервничала, — разулыбался Лёшка, — ну что, пошли?

Приобнял за плечи.

— Лёш... слушай, может просто погуляем? Голова что-то болит... — попыталась я отговориться от нежеланного мероприятия, —

подышим свежим воздухом.

— Так можно совместить, — пожал плечами парень, — посидим вон там, в открытом кафе, чего ноги топтать? Я не успел позавтракать.

Ну, замечательно... Краем глаза наблюдала, как любимый закуривает (только дорогие сигареты!), машинально вдохнула дым и в виске запульсировала придуманная мной минуту назад и материализовавшаяся боль, а внутри вновь закрубило, набирая силу, глухое раздражение.

— Не кури... — буркнула недовольно.

— Ты чего? — удивился Лёшка.

— Голова! Воняет как...

— Так не дыши... — обиделся он, надулся, похожий на большого ребёнка, отошёл.

Глядя, как он укоризненно шагает к столикам под тентом, мне вдруг совершенно неожиданно, нестерпимо захотелось повернуться и уйти прочь. Бросить всё, плюнуть на последствия, просто уйти куда-нибудь... Страстно захотелось рядом человека, который обнимет, молча прижмёт к груди, и без слов станет тепло и надёжно. Который не будет курить в лицо, когда мне плохо, хоть иногда считаясь с моим желанием, а не только с собственными. Захотелось перестать всю жизнь нянчиться с мужским самолюбием, а вот чтоб со мной понянчились. Поняли без слов, успокоили, что-то решили за меня, преподнесли так, чтоб все

беды показались несущественным пустяком.

Но отчего-то привычно поплелась следом, твердя под нос «Лучше синица в руках, чем журавль в облаках...». Алексей стоял в стороне и курил, бросая на меня искоса взгляд, выражающий всю глубину его разочарования в любимой женщине, которая вместо того, чтоб накормить мужа, смеет делать замечания: что можно, а чего нельзя, придирается к мелочам.

Поняв, что моё самочувствие — исключительно моя проблема, я вздохнула, подавляя обиду, отправилась внутрь, к стойке, делать заказ.

Небольшой зал кафетерия был почти полностью занят, полдень пятницы, многие уже мечтают об окончании рабочего дня и продлевают себе обеденный перерыв. Хорошо им, а кое кто без выходных вкалывает...

За стойкой никого не было, взяв коричневую папочку меню, принялась рассеянно листать, размышляя, что понравилось бы на сей раз моему ненаглядному. В выборе лучше не ошибиться, не дать нового повода для обид.

— Эй, красавица! — возглас с лёгким акцентом заставил машинально обернуться.

За столиком неподалёку расположилась компания: трое парней кавказской внешности и две девушки.

— Такая замечательная, необычная девушка — и одна будет обедать? — весело проговорил симпатичный парень с пронзительно чёрными глазами, — составь нам компанию!

— Я не одна, — голос дрогнул.

— Да? — парень растерянно заозирался, выглянул в окно, — с подружкой?

— С любимым человеком!

— И где же он? — недоумённо наклонил голову незнакомец, — почему сам не заказывает? Такая девушка должна отдыхать и наслаждаться жизнью, а не бегать...

— Что-нибудь выбрали? — позвала вернувшаяся барменша.

Я посмотрела в её равнодушные, безэмоциональные, ехидно прищуренные (слышала наш разговор) глаза и... вдруг захлопнула папку. Как же в этот момент захотелось громко выматериться, плюнуть на всё и подсесть к этой пирующей компании. Парень всё ещё выжидающе смотрел в мою сторону. И снова, самым последним усилием воли, взяла себя в руки и, избегая взглядов других посетителей, опрометью выскочила на улицу.

Алексей сидел, вальяжно развалившись, за столиком, брезгливо смахивая с него невидимые соринки.

Вся дрожа от непонятого порыва, я быстрым

шагом подошла и встала, как вкопанная

— Ну? Чего заказала? — всё ещё демонстративно обиженно спросил он.

— НИ-ЧЕ-ГО! — отчеканила зло, — знаешь, дорогой, я тебе не служанка, чтоб бегать и приносить! Хочешь есть — иди сам. Мне вообще по барабану, я сюда не рвалась...

— Тихо-тихо... — Лёша испуганно подскочил, — что с тобой, Лизонька?

Доселе он ещё не видел меня в такой ярости. И на глаза совсем некстати снова навернулись слёзы. Меня затрясло, еле сдерживалась, чтоб не разрыдаться и не извергнуть из себя истерикой накопившееся напряжение.

— Прости, дорогая, конечно же, сядь, отдохни... Я сейчас сам всё сделаю... — залепетал любимый.

Осторожно приблизился, как к фарфоровой статуэтке, но смертельно ядовитой, протянул руки, только прикоснуться не осмеливался, очевидно, опасаясь следующего приступа гнева. И я сама бросилась к нему в объятия.

Алексей растерянно обнял, прижал к себе, не зная, что сказать. А я и была благодарна ему сейчас именно за молчание. Просто расплакалась, навзрыд, вцепившись в парня, как в спасительную соломинку, не задумываясь о том, как выгляжу со стороны.

Что со мной происходит, с чего сорвалась? Ведь и раньше случались проблемы с учёбой, бывало и пострашнее. А сейчас жизнь на мгновение какой-то беспросветной показалась. Смешно даже помыслить — всё бросить и уйти... куда? От жизни вполне возможно, но от себя самой? Что так сбило с толку?

— Прости, Лёш... — отрыдав, хлюпая носом, жарко прошептала парню на ухо, — не знаю, что на меня нашло. Прости, любимый.

Парень тихонько облегчённо вздохнул.

* * *

Домой вернулась только под вечер с, в полную силу разыгравшейся, головной болью. С Лёшей распрощались в центре, он никогда не провожал меня до самого дома, отсюда ему было далековато возвращаться к себе.

Морщась от злосчастной мигрени, ввалилась в квартиру, любимый ранее запах жаренной рыбы, приготовленной к ужину, ворвавшись в мозг, только ещё больше растеребил, усугубил и без того отвратительное самочувствие. Накатила противная тошнота

— Лизавета! — отец, шурша газетой, махнул из кухни, — чего припозднилась? Давай-ка за стол.

— Спасибо, я не голодная, мы с Лёшей в кафе

были, — пояснила разуваясь и всё-таки шагая на голос.

Мама, как обычно, совмещала ужин с заполнением рабочих бумаг. Их ворох занял добрую половину стола, папа сиротливо жался с краю. Оторвала взгляд и, строго поджав губы, констатировала:

— Ужинать нужно дома, только деньги тратить по кафешкам!

«С удовольствием бы...» — уныло подумала я, потирая виски.

— Как дела в университете, сдала зачёт?

— Нет, — обречённо проговорила, — Пупс снова был не в духе. В понедельник сдам.

— Преподаватель виноват в том, что ты не смогла ответить? — мама вздёрнула брови, голос обжег льдом: она неимоверна строга ко всему, что касается моей учебы.

— Мама, он срезает нас, когда настроение плохое, что, в первый раз что ли? Вот проблему нашла...

Я прошла в ванную, принялась намыливать руки. Не спеша, потому что за закрытой дверью родительские нотации звучали приглушенно и не так раздражали слух.

— Проблема не в нём, а в том, что ты так легкомысленно относишься к учёбе! — отчеканила мать, — думаешь, выйдешь замуж и осядешь дома?

Так муж тебя очень быстро бросит.

Я прямо физически ощутила тоску папы, выразившуюся в этот миг во вздохе. Он бы с удовольствием согласился на такой вариант в своей семье, но мама была непробиваемо устремлена на карьеру и статус домохозяйки не воспринимала категорически. Потому, даже дома, в редкие, свободные минутки, всегда бывала с головой погружена в дела, если не в бумаги, то думала о них беспрестанно. Удивительно, и как только она вообще так лояльно выделила время на то, чтоб родить меня? Потом же за воспитание взялась бабушка.

В своей семье я с детства всегда сильнее тянулась к папе, он мягче, человечнее, более домашний. С ним и поговорить можно, а не только выслушать неоспоримую точку зрения. Однако это возможно лишь наедине. Стоит рядом появиться маме, он меняется на глазах: всячески её поддерживает, даже тон перенимает, ни разу не возразил жене. В лучшем случае, просто молчит, вот как сейчас.

— Лёша любит меня не за образование и статус, а... — начала оправдываться я, ощущая всю нелепость этого занятия, — к тому же я не карьеристка...

— Будешь рожать детей и сидеть с ними дома? — язвительно хмыкнула мама.

Её пронзительный тонкий голос ржавой пилой проникал сквозь стены, полосовал мой воспалённый мозг, и больше не в силах выдерживать, желая пресечь дальнейший спор, я сорвалась, сама того не желая:

— Мне придётся сидеть с детьми, бабушка умерла, а бабушке моих деток просто будет не до них, что поделать!

Выскочила из ванной, не дожидаясь ответа, хлопнула дверью и убежала к себе в комнату.

Мама, похоже, остолбенела от такого отпора. Через некоторое время я услышала бубнящие с надрывом звуки, она что-то яростно выговаривала отцу, Но самое главное — меня не трогают!

* * *

В своей маленькой, пару лет назад обклеенной небесно-голубыми обоями и уставленной неприхотливыми домашними бабушкиными цветами, комнате, я зажгла приглушённый свет, сбросила на стул куртку и устало улеглась на кровать. Подумала было о том, чтоб взять конспекты и создать хотя бы видимость учебы (на случай, если кому-то вздумается полюбопытствовать), но вот незадача: конспекты остались в пакете, в прихожей, а двигаться не возникло ни малейшего желания.

Закрыла глаза, чтоб лишний раз не напрягать их, провоцируя очередные приступы головной боли, выгнала все мысли из головы, погрузившись моментально в некое подобие дремоты. От нагревающейся лампы по комнате кругами расходился аромат апельсинового масла...

«...Под ногами край крыши, а там, внизу, повсюду насколько хватает взгляда — раскинулся наш город. Причудливые облака зелёных крон деревьев замерли над дворами, укрывая их своей тенью, серые крыши скромных пятиэтажек робко выглядывают из-под листвы, а там, на горизонте, серой чертой отсекает городской сектор от пригородного железнодорожная насыпь с тонкими линиями рельс. Рядом — соседняя девятиэтажка, вторая и последняя, на весь город.

Ликующее ощущение свободы! Ни головокружения, ни боязни высоты, ни страха невзначай оступиться. Стою и — «весь мир у ног моих». Где-то там внизу «муравьишками» передвигаются люди, не видят меня, не подозревают, что сейчас творится в моей душе.

Ласковые закатные лучи обнимают, разжигая внутри тоскливое, странное, жгучее желание, подобно тому, что овладевает волком при полной луне. Невыразимая тяга, влечение к чему-то, мне неизвестному. И безумное желание...

лететь.

Но я не двигаюсь. Любуюсь оранжевым шариком, огненными всполохами красиво расцветившим небо, улыбаюсь счастливо: вслед за тоской нежданная эйфория окутала душу, вскружила, как кружит голову аромат прекрасных духов, заморозила. Я сама уже не знаю, чего хочу и для чего нахожусь здесь...

И в этот момент замечаю на соседней крыше пару силуэтов. Парень и девушка. Они стоят рядом, рука об руку — есть что-то торжественное в их позе — и так же, с жадным наслаждением вглядываются в последние закатные лучи, пьют их.

Мысленно робко тянусь к ним с легким интересом и в этот момент, словно ощутив порыв, парочка дружно оборачивается и наши взгляды встречаются. Так далеко друг от друга, что лиц толком не рассмотреть, но ярким красным пятном алеет кофточка девушки, приветственно вскинувшей руку...»

И вдруг все помутнело, а когда обрело четкость — обнаружила, что лежу на кровати, уставившись в хорошо знакомый потолок. За окном комнаты виднеется соседний дом и отсюда, с моего пятого этажа, открывается прекрасный обзор на его крышу. Закатные лучи мягко освещают её и стену

дома, а у самой кромки что-то ярко краснеет...

Поморщившись, чтоб смахнуть наваждение, не желая верить глазам, я медленно встала и мягко, ощущая слабость в ногах, подошла к окну, отодвинула тюль.

Де жа вю. Девушка стояла там же, а чуть поодаль мужская фигура. Что они делают на крыше?

Отсюда можно было гораздо лучше рассмотреть их, чем в сновидении, я жадно вглядывалась, замерев в оцепенении от нереальности происходящего, в какой-то миг стало вдруг страшно от нелепой мысли: сейчас она сделает шаг и... Но девушка не двигалась и будто не замечая любопытную меня, вполоборота подставляла, щурясь в упоении лицо закатному солнышку. Наслаждалась, как наслаждается кошка первыми весенними, проглянувшими из-за зимних туч, лучами, будто бы набираясь сил.

Опершись всем телом о подоконник, я почти не дышала.

И тут девушка заметила меня. И, улыбнувшись широко, открыто, как близкому другу, помахала весело рукой. А потом размашисто начертила в воздухе какой-то знак, смутно знакомый, и снова рассмеялась, кивнула... Мне показалось, что услышала звенящий колокольчик её смеха.

Резко разорвавшая тишину мелодия мобильного вернула меня в реальность.

Девушки на крыше не было. Там вообще не наблюдалось никого, кроме голубей, устраивающихся на ночлег, выглядывающих из чердачного окошка...

— Что за... — пробормотала растеряно, смущенно, рассерженная на ударивший по нервам телефон.

Ещё раз глянула с опаской на пустую соседнюю крышу (и померещится же!), задёрнула тюль, подумала секунду — и шторы тоже. А потом выудила из кармана брошенной на стул куртки надрывающийся мобильный и ответила хмуро:

— Слушаю.

— Лизка, привет! — жизнерадостно защebetала трубка голосом давней и хорошей подруги Оксаны, — как твоё ничего?

— Совсем ничего... — и только в этот момент я поняла, что совершенно прошла головная боль. В связи с этим непроизвольно улыбнулась. А перед глазами отчего-то встал знак, начерченный девушкой-виденьем...

— Слушай, в Москве в это воскресенье будет проходить концерт Лары Фабиан, я тебе с утра не могла дозвониться, а сама только вчера узнала! Ромка сюрприз хотел сделать, молчал зараза, билеты уже забронировал нам всем,

присоединишься? Выезжаем завтра с утра.

У меня в глазах вмиг потемнело от радостного возбуждения, это же давняя мечта: побывать на концерте любимой певицы. И она, кажется, имеет возможность осуществиться! И ничего, что на машине ехать до ого-го-где-находящейся Москвы почти 10 часов, это всё такие мелочи в сравнении с тем, что я услышу её «живьём»! А повезёт нас Оксанкин молодой человек Роман. Узнала, однако, цену билета и на меня снова обрушилась темнота — на этот раз от обиды и разочарования. Я никаким образом не могла сейчас достать такую сумму...

— Лиз, займи у кого-нибудь, у родителей, наконец! Ты что, такой шанс редко выпадает, — кричала Оксана в трубку, — мы с Ромчиком решили отпуском пожертвовать, все накопления вложили. Но это того стоит, отпуск каждый год, а Ларочка... да что говорить, сама понимаешь.

— Родители не дадут, — тускло прошептала в трубку, захотелось зареветь.

Зная принципиальность матери и её стремление только поощрять за заслуги, но за промахи жестоко наказывать, нечего было и надеяться взять в долг. На отца же тем паче не приходилось рассчитывать — он всё до копейки отдаёт супруге, она ведёт все финансовые дела в нашем доме.

— А Лёшка? — воскликнула Ксюша, —

неужто откажет тебе?

— Оксюш, у него зарплата ещё меньше, чем у меня...

— Вы же на квартиру копите, ну, возьми из заначки, потом доложишь, делов-то! — у подруги всё всегда было так просто и бесппроблемно, — ну что?

Чувствуя, как всё безнадежно обрывается внутри, я проговорила хрипло:

— Нет, не поеду...

— Зря ты, жаль... — опечалилась на миг Оксанка, а потом вновь защebetала счастливо, — ну не переживай, не последний день живёшь, авось будут ещё концерты, обязательно попадёшь. А мы расскажем, фотки покажем, поснимаем видео, а вдруг даже удастся автограф взять! Я и для тебя попрошу.

Она в таком ажиотаже воскликнула последние слова, что я поняла — она уже там, она уже забыла про меня, ничуть не расстроившись за свою подругу, а могла бы хоть прикинуться.

Сославшись на тяжёлый день и наскоро распрощавшись, отключила мобильник совсем, к чертям собачьим и, закусив губу, уселась прямо на пол. На душе так погано, скребут просто какие-то бешеные и неменяемые кошки... Счастливица Оксанка, Роман ради неё на всё готов, не было бы ни копейки — достал бы в рекордный срок. А

разрешил бы мне Лёша потратить такую сумму на билет? Несомненно, нет. Ещё бы и обиделся, что на всякую ерунду выкину такую важную часть бюджета. Слёзы обиды закипели на глазах, одним жестом смахнула их. А вот интересно, сколько там уже набежало накоплений.

Скрипнув зубами, схватила трубку, судорожно включила, чертыхаясь, набрала номер.

— Лёш, привет! — и безо всяких предисловий, не тратя времени, перешла сразу к делу, — скажи мне, сколько там уже отложено у нас с тобой на квартиру?

— А почему ты спрашиваешь? — осторожно и слегка растеряно пробормотал любимый.

— Ну, как же почему? Я ведь должна быть в курсе, это наш общий фонд, уже около полугода откладываем... интересно, сколько там «набежало».

— Э...ну... — замялся он.

— Что, ты сам точно не знаешь? — удивилась я непонятной заминке.

— Лизок, дело в том, что... в общем, я на днях одолжил их другу отца. Понимаешь, там беспроигрышное дело назрело и он вернёт обязательно в конце следующей недели, с бешеными процентами...

— Что?! — я аж захлебнулась от изумления, — ты отдал НАШИ деньги? Постороннему человеку? И даже не знаешь

сколько?

— Знаю, — Лёша назвал сумму, дар речи вторично покинул меня: да на эти деньги уже можно было приглядывать что-то.

— Лёша... — голос сел от переполнявших эмоций, — ты хоть расписку взял?

— Что? — обиделся Алексей, — он же друг отца, служили вместе, почти брат. Я ему на слово верю!

— Ты... ты идиот? — я едва не падала в обморок, — как вообще в голову пришло... и со мной не посоветовался!

— Да что ты так переживаешь — хорохорился Лёша, — он нормальный мужик, сказал вернёт, значит вернёт, ну срочно понадобились, надо помочь! Да и вернёт-то почти в два раза больше, выгодно. Не переживай.

— А если бы мне вот сегодня срочно понадобились деньги? Если бы от них моя жизнь зависела... — почти шептала я, — разве так можно?

— Лиз, не закатывай истерику, — прервал Алексей, — и не придумывай там ничего, вообще, это наши мужские дела, ты не лезь. Через неделю, если хочешь, я тебе сам покажу все купюры в целости и сохранности, ещё похвалишь. Да ты и не узнала б даже, если бы не стукнуло в голову...

Не слушая более, я положила трубку. А в висках вновь гулко запульсировала боль. Сейчас я

готова молиться лишь об одном: дай Бог, чтоб всё закончилось хорошо, чтоб эта долбанная квартира перестала быть бесплотным миражом, а стала, наконец, явью. Чтоб не тянуть время, может мне удастся даже уговорить Лёшку купить однокомнатную для начала. Потом подкопим и увеличим жилплощадь. Страшно мне что-то такую сумму денег хранить таким образом, как это делает Лёша. Дай-то Бог.

* * *

Всю ночь я бесполезно и очень мучительно проворочалась в кровати, периодически зависая в полубреду и кошмарных образах. В них я ссорилась с Алексеем, ругалась с родителями и ощущала невероятную непонятную тяжесть на сердце.

Проснулась до рассвета вся в холодном поту от собственного выкрика, но никак не смогла вспомнить, что же приснилось. Встала, прошлась по комнате, озябла, но стало полегче. У окна откинула занавеску и выглянула на улицу.

Серый серпик луны висел в мареве редких облаков. Как будто колышущийся, он казался призрачным, скупо бросал тусклый свет на крышу соседнего дома и, остатками, рассеяно освещал двор. Совершенно безлюдный — лишь наспех припаркованный и уснувший у подъезда

автомобиль непонятного цвета (в сумерках все кошки, как известно, серы), фантасмагорично выделялся из общей картины безликих сооружений: оградок, перекладины для выбивания ковров, полусломанных скамеек и покосившихся мусорных баков. Выделялся своей принадлежностью к людям, казался более живым, чем всё сейчас в этом городе, почти одухотворенным.

Щёлкнула щеколдой и распахнула форточку, впустив ночной свежий воздух, пахнувший росой. Стояла, глотая его и слегка замерзнув от сквозняка, набросившегося на ещё мокрое от пота тело.

Сквозь белую рваную дымку облаков проглядывали звёздные точки — то проступали, то, подмигнув, скрывались снова в туман. Зрелище завораживало, хотелось стоять и так смотреть вечно. И проблемы все забылись, отошли на задний план, казались чем-то далеким, несущественным, не принадлежащим моей реальности.

Но сжалось вдруг сердце, заныло отчего-то. Мягкой лапой взяло за душу какое-то непонятное отчаяние, ворвалось внутрь ощущение безысходности, разрушив умиротворение и гармонию любования. Я остро осознала, что всё вокруг не то, что мне нужно и живу я не своей жизнью, а чужой, надиктованной другими людьми. Хожу по кругу, протоптанному за меня, по чужой дорожке... А моё... оно где-то там, за этим кругом,

в том месте, где душа обретает спокойствие и радость от каждого шага по жизни. Не для этого я родилась, чтоб просто жить! Как странно, это ощущение охватывает каждый раз, когда выныриваю из плена обыденных забот и мыслей, остаюсь наедине с собой. Словно что-то изнутри нащёптывает, зовёт куда-то, в такие моменты всё хочется бросить, решительно отринуть, не сомневаясь уйти по зову и не оглядываться назад, знаю, что не пожалею. Но что это за странное влечение и куда мне идти? От себя не убежишь... Сначала надо найти себя. Но почему, как и когда я потерялась в этом мире? Что мешает увидеть ясно свой и только свой путь?

Поёжившись от нового потока прохладного ночного воздуха в окно, неприятно скользнувшего по телу, я выпала из оцепенения и вдруг ощутила слёзы на глазах. Моргнула — и два ручейка заструились по щекам. Что творится со мной, какие-то неосознанные, смутные порывы, откуда они?... Вид звёздного неба определенно способен любого выбить из равновесия!

В последний раз кинув взгляд на небо поверх крыш, отметила едва уловимые перемены в нём: там, далеко, предвосхищалось рассветное зарево. Вздохнула и вернулась в кровать.

Наутро, когда я открыла глаза после очередного забытья, и солнце уже уверенно светило в окна, внутри не оставалось ни следа, ни отголоска ночного настроения, даже намека.

Суббота. Но я уверена, что мама на работе, а папа, как обычно, за компьютером, погружён в научные бдения на многочисленных интернет-форумах. Что поделаться, это его работа. Всей семьёй, в полном сборе, мы отдыхаем лишь в воскресенье и то, если маму не вызовут внезапно, а у папы не возникнет очередной внеплановой конференции. В детстве я отчего-то восхищалась такой работоспособностью, думала, что когда вырасту — наверное, стану такой же деловой дамой. Хоть иногда и грустила: отец тогда ещё работал в городском научном центре, не бывал дома сутками. Потом, с приходом в Россию Интернета, он засел за компьютер, но ничего это не изменило: его словно не было дома, мешать и отвлекать категорически запрещалось да и было чем-то на грани фантастики — умудриться папу отвлечь. Стой в квартире непомерный гвалт, ори громкая музыка или грохочите взрывы — он, честное слово, не услышит, никак не отреагирует...

В безмолвной, не по субботнему пустой квартире я поплелась на кухню и вяло позавтракала, предчувствуя неприятную

необходимость браться за конспекты, от которых, если честно, попросту тошнило. Я больше чем уверена, что юристом не стану никогда работать по своей воле, меня привлекает совсем другая область — филология. Однако мамой категорически было заявлено, что «сначала требуется сделать карьеру на поприще, где она гарантирована, если есть мозги, а потом уже, на свои деньги, воплощать дурацкие желания!»

«С жиру беситься» — так называет это мама. Я не замедлила поинтересоваться — когда же она начнёт «беситься» — то есть воплощать свои мечты, кроме бесконечного служения своей работе (ведь не это же её сокровенные желания?), карьера уже как бы состоялась. А мама отвечала, что она женщина умная и мечтала всегда о действительно умных, серьёзных, востребованных вещах, которые и воплощает «без отхода от производства». Но мне сдаётся, мама просто отделалась от вопроса таким образом. Если и были у неё необычные мечты, фантазии, желания когда-то — они давным-давно погребены под толстым слоем респектабельности, замещены бесконечной деловой хваткой и забыты.

И хоть я в глубине души никак не могла расстаться со своей мечтой, всё же завидовала маме втайне, завидовала её умению делать деньги и не терять, а приобретать, не экономить, а рачительно расходовать. На этом фоне мои попытки как-то

сводить концы с концами в личном бюджете угнетали и вгоняли в депрессию. Но если уж мы с Лёшей решили самостоятельно вступать в совместную жизнь — надо учиться рассчитывать лишь на себя. Конечно, родители никогда не отказывали мне в финансовой поддержке, но всё это сопровождалось всякий раз лекцией на тему «как нужно жить». С папой было проще всегда, но всё равно, я уже не маленькая девочка, которой давали на карманные расходы в далёком детстве и просить сейчас, когда работаю сама, вдвойне неловко.

* * *

В коридоре, забирая пакет с лекциями, столкнулась неожиданно с папой, он для чего-то, вероятно чрезвычайно важного, неожиданно покинул комнату. Стоя растеряно в дверях своей комнаты, задрал очки на лоб, папа устало массировал переносицу. Не сразу заметив меня, промаршировал на кухню, и уже на пороге обернулся рассеянно.

— Доброе утро, дочь. А ты дома сегодня?

— Пап, суббота, — напомнила я и помахала тетрадкой, — но всё равно не до отдыха...

— Ясно, — отец вздохнул, — а у меня тут авральная ситуация... Слушай, доча, а тебе куда

не надо случайно? Ну, прогулялась бы, подышала воздухом, потом и учёба лучше пойдёт.

— Давай, говори, к чему клонишь! — усмехнулась я, прекрасно зная, что означают все эти речи.

— Да бумага для принтера почти кончилась, а как назло кучу материалов распечатать надо, может заодно бы и купила?

— Срочно?

— Ну, на остатках до обеда дотяну, — расплылся в благодарной улыбке родитель, — вот спасибо!

— Да не за что, — глянула на его взъерошенные рыжие кудри и пошла собираться.

В нагрузку к бумаге вдогонку получила ещё несколько заказов вроде дополнительного картриджа и новой флешки, некую сумму денег и пожелание приятной прогулки.

А погода и впрямь благоприятствовала! На небе ни облачка, солнце беспрепятственно сияет — по-утреннему мягко — но его тепло уже предвосхищает весьма жаркий денёк. В такой бы выходной куда-нибудь на природу выбраться, в лесок, на пикник с друзьями или любимым мужчиной. Но любимый мужчина всё больше предпочитает проводить время в барах и кафе, иногда в бильярдной. Природа его не вдохновляет, хорошего настроения не создает, а странным

образом наоборот — вызывает непонятное раздражение и упадок сил. Печальный единственный опыт вылазки, совместной с Оксаной и Ромкой, в прошлом году на шашлыки оставил не самые приятные воспоминания и лишь убежденность, что он был последним. Лёша ныл весь день: то комары, то сквозняк, то дым в лицо, хотя я не заметила ни того, ни другого, ни третьего, наслаждаясь свежим воздухом, птичьим пением и запахами свежей зелени. Что ж, как говорится, кому что: одним запах цветущих трав, другим — прокуренный воздух бильярдного зала.

Прикоснувшись мыслями к той поездке, машинально вспомнила о друзьях, которые сейчас как раз движутся на концерт моей мечты. И я могла бы отправиться с ними, даже заваленный зачёт не помеха, но... но вот обстоятельства снова победили, задавили. Сколько раз уже происходило это: ускользало из-под носа то, к чему очень долго стремилась! Поманит — и растает облачком на горизонте...

На остановке не было ни души, и мне вдруг почудилось, что вот-вот появится из-за поворота красная «Тойота», а через полуопущенное стекло глянет на меня лицо, скрытое за тёмными очками... Поёжилась, шагнула назад, вглубь остановки, подальше от дороги.

Зазвонил мобильный.

— Привет, Лизонька, — прощепетал жизнерадостно Леша.

— Привет, — буркнула неохотно.

— Солнышко, ты что, всё ещё дуешься за вчерашнее? — изумился парень, — да брось ты, нет причин. Погода за окном прекрасная, верно, как раз для прогулки, а?

— Ого, ты погоду оценил? Я думала, она не имеет значения, если прогулка дальше кафе или клуба не намечается.

— Лизон, ты чего? — растерялся Лёшка, — не заболела?

— В здоровом уме и трезвой памяти, — отрапортовала вяло, — Лёш, составить тебе компанию я не смогу, если забыл — у меня зачёт в понедельник и в кошельке почти пусто, уж прости.

— Да ладно, деньги — это фигня, — беспечно отозвался ненаглядный, — пришли-ушли, ещё будут. Живи проще.

— Постараюсь, — надеюсь, прозвучало не совсем агрессивно. Не знаю отчего, но разговор с Алексеем меня раздражал сейчас, даже солнечное утро словно немного потускнело, — пока!

И быстро отсоединилась, потому что увидела на горизонте маршрутное такси. Уже в салоне, расплатившись за проезд и откинувшись на мягкую спинку сиденья, услышала жалобный писк: пришло смс. Разумеется от Лёши.

«Хотел сказать, что взял ключи от квартиры друга до обеда. Да или нет? До понедельника больше возможности не будет».

Хмыкнула. Прячемся ото всех, как школьники, надоело... Можно пойти ко мне, но он не хочет, так же, как и знакомить меня со своими родителями. Что за тараканы у Лёшки в голове? Пожала плечами и злорадно ответила: «Нет». И в самом деле, пора взрослеть, а о желаниях подумаю, когда обзаведёмся, наконец, жильём.

«Жаль...» — ответил он.

* * *

Ехать далековато, водитель настроил радио на волну «Хит FM», я лениво уставилась в окно, на проплывающие мимо деревья... и вдруг словно наткнулась на витающий в воздухе непонятный дискомфорт. Осторожно заозиралась.

В салоне было негусто — кроме меня ещё несколько человек: две тётки среднего возраста, увлечённо шушукающиеся в задней части маршрутки, благообразный старичок, погружившийся глубоко в свои мысли, и двое парней напротив меня. Вот они-то и насторожили сразу. Парни буквально не сводили глаз с меня, причём, когда я обернулась, даже не попытались отвести взгляд. И смотрели как-то нехорошо,

недобро, я бы сказала — враждебно, как смотрят на заклятых врагов, на обанкротившихся должников, на шумных соседей, в конце концов, но уж никак не на незнакомую, миловидную (смею надеяться) девушку. Неприязненные взгляды сверлили насквозь, но я решила абстрагироваться и игнорировать их, мало ли, вероятно просто с кем-то спутали, а то и просто весеннее обострение у неадекватных слоев населения играет свою роль.

Однако, как раз в этот момент моих мысленных предположений, один из них, противный толстячок с сальными волосами и красной кожей, украшенной россыпью роскошных прыщей, что-то негромко проговорил своему не менее габаритному, однако — в отличие от друга — крупному, мускулисто-накаченному, светловолосому спутнику, и они оба весьма гаденько улыбнулись. Взгляды стали откровенно изучающими, а вдобавок парни время от времени перебрасывались короткими фразами, посмеивались.

Сквозь музыку, я не могла вполне расслышать эти реплики, но носили они явно оскорбительный характер. До этого момента я ещё не сталкивалась с подобным явлением: неким контингентом людей, развлекающихся тем, чтоб унижать и цеплять совершенно незнакомых людей. Потому и не знала, как реагировать. Одно несомненно: подобное

поведение брать в голову не стоит, и принимать близко к сердцу тоже.

Отвернувшись к окну, я рассеянно скользила глазами по домам и пешеходам, краем глаза, однако, фиксируя агрессоров. Пассажиры выходили-входили, а парни, похоже, решили сопроводить меня до пункта назначения. Внутри подленько закралось нехорошее подозрение относительно их намерений, но я одёрнула себя: придут же в голову глупости такие! Среди бела дня чем они могут мне угрожать?

И в этот момент маршрутка подрулила к очередной остановке, вошла девушка. Всё бы ничего странного, но она замерла на секунду в дверях, уставившись на меня, а затем вдруг широко, по-дружески, улыбнулась и села рядом, на свободное место.

Я удивилась и слегка отодвинулась, но девушка, хотя и молча, но всё же продолжала смотреть радостно и улыбаться, словно старой знакомой.

Как-то странно сегодня люди на меня реагируют... Бросив на соседку быстрый взгляд, пришла к выводу, что мы вряд ли знакомы, память на лица у меня великолепная. Миленькая, не слишком обычная, чтоб раствориться в толпе: прямые каштановые волосы чуть ниже плеч, карие глаза, узковатый разрез которых делает её похожей

на восточную красавицу. Далеко не хрупкое, но очень уютное, мягкое телосложение, не лишённое обаяния. И от неё так уловимо веет внутренней гармонией, по-детски чистая улыбка очаровывает сразу и бесповоротно! Но в чём причина её неожиданного ко мне интереса? Я даже на долю секунды забыла о неприятных парнях.

Но, как выяснилось, зря... Они вот не только не забыли обо мне, но и напротив, оживились.

— Как живётся, милая? — нагло вслух спросил один.

Я вздёрнула голову, но с удивлением обнаружила, что смотрит он вовсе не на меня. Оба дружка в упор уставились на улыбающуюся незнакомку.

— Отвяжитесь, а? — ласково попросила она.

С подобной доброжелательностью обращаются к собаке, увязавшейся следом, к попрошайке, хватающему за полы одежды, к коробейнику в вагоне электрички. Голосок звенел мелодичным колокольчиком.

Но отчего-то сердце моё забилося, как дикая птица, пойманная в клетку. Переводя взгляд с парней, чьи лица застыли недоброй маской, на девушку, всё также безмятежно улыбающуюся, и обратно, я ощутила слабость. Словно рядом происходит нечто нереальное, не поддающееся описанию словами... Мир как бы замер, стал

бесцветным, прекратил всякую жизнедеятельность, и лишь мы четверо оказались вне него, продолжали жить.

— А ты? — прыщавый перевёл взгляд на меня, зрачки — как удар молнии, я инстинктивно шарахнулась.

— Не лезь к ней, — сурово проговорила девушка, перестав улыбаться. Я кожей ощутила, как она словно отвердела, по телу забегали электрические разряды.

— Непроявленная... Я тебя съем, ангел! — светловолосый практически облизнулся, плотоядно осматривая меня с ног до головы, подался вперед.

Снова ангел?! Что же это творится?

— Не бойся, — повернулась ко мне девушка, — они блефуют.

Заметив, как я побледнела, незнакомка быстро взяла меня за руку, сжала её в своих горячих ладонях. И мгновенное ощущение безопасности и спокойствия охватило совершенно неожиданно. А и правда, чего испугалась?

А вот уже и моя остановка. Чуть не проскочили.

— Мне выходить... остановите, пожалуйста! — едва смогла выговорить, голова все ещё кружилась.

Маршрутка плавно подрулила к остановке. На ватных ногах я поднялась, ожидая, что странная

девушка посторонится и пропустит, но та тоже встала и потянулась к двери. Уже выбираясь из салона вслед за ней, я увидела, как агрессоры не отстают. Дрожь неприятно пробежала по телу. Чего, спрашивается, прицепились? Что-то изнутри подсказало мне, что это не конец истории, но сейчас я ощутила исходящую от неожиданного знакомства тайну. Вновь закружилась голова на ступеньке, но девушка подхватила под локоть, и я, удержав равновесие, спрыгнула.

— Пойдём! — незнакомка решительно увлекла за руку прочь от остановки.

Я даже не спрашивала — куда, просто быстро шла следом.

Мы свернули в переулок, обогнули магазин и тут то лицом к лицу столкнулись с парочкой. Как они умудрились нас обогнать? Оба почти на голову выше, крупнее, волны агрессии, исходящей от них, ощущаются почти физически.

— Куда же вы торопитесь, девочки, давайте подружиться? — усмехаясь, проговорил светловолосый, — вдруг что и получится.

Я поразились, с какой поспешностью отпрянула моя спутница, казалось, она даже прикоснуться к ним опасается. Прыщавый зашёл с другого бока, и парни попросту прижали нас к кирпичной стене магазина. Отсюда переулок плохо просматривается и практически безлюден, шансов

на постороннюю помощь никаких.

Я решительно рванулась, собираясь растолкать нежелательных недругов, и бежать-бежать-бежать, но девушка вдруг схватила, удержала, прижала меня к стене и заговорила:

— Не дотрагивайся до них, ни в коем случае, слышишь! Нельзя! Иначе даже я не смогу помочь! А пока они бессильны.

— Ну почему же? — расхохотался прыщавый, — давайте, девчонки, отбивайтесь, последняя возможность. Вам же это сейчас насущно, разве нет?

— Нет! — приказала незнакомка, как отрезала, но скорее в мой адрес, чем ответила на их вопрос.

Меня била дрожь, ноги тряслись — пожалуй, сейчас я далеко не убегу — а парни нависли вплотную, я ощущала их дыхание на своём лице и непроизвольно зажмурилась. Но злоумышленники и впрямь не торопились что-либо предпринять, словно чего-то ожидали. Пока мы первые их коснёмся?

— Давненько не встречал ваших, — прыщавый напирал, девушка вжалась в стенку, словно пытаясь слиться с ней, пройти насквозь.

— А тем более новеньких, нетронутых ещё... — жарко зашептал мне на ухо светловолосый, — эх, не вовремя ты, Наташка,

подвернулась, испортила нам такой праздник.

— Идите куда шли, уроды, — девушка старалась сохранять самообладание, — здесь вам не обломится!

— Если кто тут и уроды, то точно не мы! — скривился светловолосый, но от меня отстранился, метнул неприязненный взгляд на Наталью, — ангелы нах... высоко забрались!

— А кто вам мешал? — голос моей спутницы звучал спокойно, немного отстранённо, — сами выбрали.

— Да пошла ты! — разозлился мучитель, ударил кулаком в стену около моей головы с такой силой, что я зажмурилась, сглотнув, но боли, видимо, не ощутил, — пошли, Славян! В другой раз отыграюсь за всех. Неважно, человек попадётся, или кто из вас, не все такие стойкие и непоколебимые.

— Глупый ты... — вздохнула Наташа, — неужели тебе нравится падать?

— Безумно! — воскликнул светловолосый, а в глазах промелькнул злобный огонёк, мог бы — испепелил бы. Сплюнул и широким шагом пошёл прочь.

Славян презрительно оглядел нас и направился следом.

Через какое-то время мы облегчённо отлипли от стенки, не знаю, как Наташа, но меня ноги едва

держали, а в груди болело так, что трудно было вдохнуть. Присела на корточки, стараясь отдышаться.

— Как ты? — новая знакомая посмотрела озабоченно, — дай-ка руки. Отсосали они тебя немного...

Не дожидаясь реакции, сама взяла мои холодные ладони в свои. От рук девушки шло приятное тепло, начали покалывать кончики пальцев и я с удивлением поняла, что руки у меня, оказывается, немного онемели и лишь сейчас начали «отходить», восстановилось кровообращение.

— И сердечко... — тихо продолжала Наташа.

В эту же секунду я ощутила, как тает, растворяется боль в груди.

— Ты ведь не знала, что их нельзя бояться, — полувопросительно проговорила она, слегка наклонив голову, — хорошо, что я оказалась поблизости.

— Кто ты? — я еле смогла выговорить, в горле пересохло, — и они...

— Меня, ты уже знаешь, зовут Наташа, — широко улыбнулась девушка, чуть тряхнув мне руки в знак приветствия, — но друзья называют Талей, ты тоже можешь. А они...они...господи, как получилось так, что ты непроявлена ещё? Сколько тебе лет?

— Пойдём отсюда... — игнорируя вопрос, едва слышно попросила я, опасаясь, что парни могут вернуться.

— Не бойся, они здесь больше не появятся, — заверила Таля, — демоны не возвращаются по горячим следам.

— Кто?...

— Давай прогуляемся? — предложила новая знакомая, мельком взглянув на часы, — у меня есть немного времени, могу проводить, куда тебе надо, так безопаснее будет.

А мне подумалось: «действительно, оказывается в городе столько опасностей, ранее неведомых...»

Мы медленно вышли из переулка на довольно оживлённый тротуар улицы. Солнышко ослепило после пребывания в тени, но и разогнало последние остатки тревоги, волнение испарилось. Обычный городской шум обрушился на голову, как волна, захлестнул, возвращая к реальности

— Что тут только что произошло? — уже твёрже спросила я, окончательно вернув себе самообладание.

— Даже непроявленные ангелы сияют, а демоны видят их сияние и оно подобно красной тряпке для быка для их восприятия.

— Стой! Я не понимаю, — отчаянно затрясла головой, — какие ангелы, демоны, что это всё

означает? Сначала девушка в красной «Гойоте», теперь вот ты...

— Ты общалась с Катюшкой? — лицо девушки посветлело, — давно? И почему ты тогда ещё не проявлена и полна вопросов?

Она была искренне удивлена.

— Да ничего я не знаю? — воскликнула с толикой раздражения, ощущая, как растерянность опутывает душу: массовое помешательство, эпидемия? — что значит «непроявленная»? О каких ангелах и демонах ты тут говоришь?

— Катя не рассказала? — тут уже Таля неподдельно изумилась, — про нас...

— Да, она несла что-то об ангелах, о миссии, о крыльях... — я махнула рукой, — но это же всё какая-то глупая фантастика. Я не стала слушать.

— А ты, значит, реалистка? — Наташа хитро прищурилась.

— Ну... я не могу верить в то, чего не наблюдала никогда воочию. А сейчас столько развелось...

— Сектантов?

— Да вообще манипуляторов, разных лохотронов, — мне вдруг стало как-то неудобно, словно я напрямую обвиняю её, эту девушку, что помогла мне несколько минут назад, в чём-то преступном.

— Лиза, мы не манипуляторы, — качнула та

головой, — и не хотим никому зла, наоборот — мы тут, чтоб помогать людям. И ты, представь себе, тоже. Ты не простой человек, не юная душа, коих в этом городе десятки тысяч. Ты заканчиваешь цикл, реализуясь, как ангел. И эта жизнь — самая важная. Сейчас всё, что говорю, непонятно, ясное дело, но если успокоишься, доверишься, позволишь объяснить и не станешь отрицать сразу, ты почувствуешь и сможешь принять осознанное решение: проявиться в новом качестве или жить дальше, притворяясь средним человеком.

— Хорошо, — я вздохнула, криво улыбнувшись, — выслушаю. Только объясни, пожалуйста, откуда знаешь моё имя, откуда те уроды знают тебя и почему так ненавидят?

Таля с готовностью закивала, глаза сияли.

— Хорошо-хорошо, всё сейчас узнаешь... Только, тебе ещё далеко? Куда мы идём?

Я спохватилась, огляделась по сторонам, и нервно рассмеялась.

— Мы вообще не в ту сторону идём... Блин, так расклеиться, что не заметить, что вокруг, вообще обо всём забыть!

— Ничего страшного, — улыбнулась Наталья, — поменяем маршрут и продолжим беседу, а?

— Угу.

Выбрав краткий путь — теперь вела я — мы

двинулись дальше и я приготовилась слушать.

* * *

— В этом мире, в человеческом теле, воплощаются люди, ангелы и демоны. Если ты веришь в реинкарнацию, то есть переселение душ и множество проживаемых ими жизней, — я несколько неуверенно кивнула, — тогда вкратце дело обстоит так: ангелы — души, прошедшие весь необходимый для самосовершенствования в условиях этого мира цикл воплощений, взяли отсюда весь возможный опыт, переработали его и данной жизнью цепочку как бы завершают. Чтоб ещё понятнее: если взять за основу Землю, как гигантскую школу или другое обучающее заведение, то наша с тобой жизнь — самый последний, выпускной, экзамен. Успешно сдавшие его, перейдут на новый уровень и будут воплощаться в новых, гораздо более совершенных, тонких и предлагающих новые возможности для развития, мирах, получать другие уроки и опыт. В аналогии с ангелами — успешно закончив здесь, мы получим «крылья»...

— А почему именно «ангелы»?

— Потому что в завершающей жизни все мы выполняем какую-то определённую миссию. Уроки закончены, теперь пришла пора продемонстрировать

полученные знания и реализовывать накопленный опыт. Миссии разные, но все они нацелены на помощь всему живому. Служение людям — душам, что находятся на разных этапах цикла перевоплощения. И мы реализуемся, подсказывая, направляя, часто спасая. Кстати, не только люди, но всё вокруг: растения, животные, всё это имеет поддержку в наших лицах. У каждого ангела своё предназначение в этой жизни, в отличие от простых людей, у которых они идентичны: учиться, получать знания, опыт, мудрость, переходить со ступеньки на ступеньку, пока не поднимутся на «крышу», откуда, получив крылья, легко вспорхнут в небо. Помогаем людям, тем самым, заслуживая собственный переход. А пока, можно сказать, мы — ангелы без крыльев...

— Таль, если так, то почему я ничего подобного не помню, не ощущаю. С меня, видимо, ученик был нерадивый если к экзамену подошла без важных знаний и умений, вообще ничего не помню... Ты говоришь, я сияю — почему же не вижу не то что своего, а хотя бы твоего или вот этих демонов, сияния? Или имеется в виду в переносном смысле...

— Демоны не сияют, — покачала девушка головой, — наоборот, вокруг них такая серая, непроглядная дымка клубится, над головой и чуть ниже, до плеч. А наше сияние ты сможешь видеть,

обязательно, только когда проявишься...

— Хорошо, — перебила я, — в общих чертах о людях и ангелах я поняла, а демоны? Кто они и тут зачем?

Таля вздохнула горько. Видно было, что тема для неё болезненная.

— Демоны — деградирующие души. Души, которые отказались от духовного роста, опыта, уроков, выбрав путь падения.

— Прямо церковный сленг, — усмехнулась я.

— К церкви мы не имеем отношения, она не признаёт череды перевоплощений души. По сути просто религия, придуманная для поддержки в людях светлого, доброго начала. Она нужна юным душам... А под падением я подразумеваю отказ от подъёма. Когда человек не хочет ничему учиться, никуда идти — он стоит, когда разрушает вместо того, чтоб творить, своей целью ставит обыкновенное существование, наполненное забвением, затмением разума, закрывают сердце — падает. Понимаешь?

— В общих чертах... То есть все преступники, наркоманы и развратники — демоны?.

— Нет, конечно, не все. Чтоб деградировать до уровня низших, надо планомерно, из воплощения в воплощение заниматься саморазрушением, а потом, когда уже не останется собственных сил и энергии, разрушать других,

«питаться» ими, их жизнями.

— А разве Бог не должен это пресекать, как-то их останавливать? — поинтересовалась язвительно, — ой, прости, вы же как бы вне религии!

— С темой Бога все не так просто и однозначно, — замахала Таля руками, — но давай это объясню попозже? Мы ведь уже подходим...

Я отметила на другой стороне улицы нужный мне магазин. Ого, значит, девушка изначально знала, куда мы направляемся? Зачем же тогда спрашивала? Похоже, не только моё имя для неё не тайна. Да уж, если принять всерьёз весь этот рассказ о существовании ангелов и демонов среди людей, то голова может пойти кругом. Катя с Олегом хотя бы не демонстрировали так явно свои... способности, полагаю? Хотя, наверное, я бы охотнее прислушалась к людям, поразившим меня чем-то неординарным.

Ладно, допустим, что всё услышанное — правда. На какую-то долю секунды допустим. И как мне теперь с этим жить?

— Сейчас купишь, что нужно, и пройдемся ещё? — спросила Таля, открывая и придерживая тугую дверь магазина, — расскажу самое главное и ты все поймёшь...

Она замолчала на полуслове, глядя куда-то в сторону, мы замерли на пороге.

Неподалёку под деревом стояла маленькая девочка, на вид лет трёх, не больше, в панаме и кружавчатом сарафанчике. Не двигаясь с места, она беззвучно плакала, размазывая слёзы кулачками по чумазым щекам, лишь плечики вздрагивали.

А поблизости — ни одного взрослого, которого можно было бы представить родителем малышки. Внутри сию же секунду отчётливо возникло понимание: ребёнок потерялся. Растрепавшиеся, выбивающиеся из-под козырька панамы, белокурые завитушки волос и сползший до самого сандалика гольф наглядно демонстрировали, что девочка уже давно и безуспешно слоняется по городу, а напуганные глазёнки, распахнутые во всю ширь, уже изрядно покраснели от слёз.

— Маленькая... — в голосе прозвучало столько нежности и сострадания.

Таля протянула руки и, совершенно забыв обо мне, шагнула навстречу измученному ребёнку. Та сначала попятилась испуганно, но потом ощутила каким-то своим детским чутьем и доверчиво потянулась к Наташе. Она присела на корточки и прижала малышку к себе, а та, прильнув к ней порывисто, обвила ручонками шею моей новой знакомой. Удивительно, как легко ребёнок пошёл на контакт с чужим человеком.

С изумлением я зафиксировала, как мгновенно высохли слёзы на розовых щёчках, а на

губах заиграла улыбка. Таля что-то тихонько шептала в крошечное ушко, и малышка таяла, жмурилась довольно.

— Позвольте? — грубо прервав внутреннюю идиллию от увиденного, чьи-то руки бесцеремонно отодвинули меня в сторону.

Пропуская покупательницу, выходящую из магазина, я отошла в сторонку. При этом не сводила глаз с Натальи, ласково, по-матерински, приглаживающей волосы девочки.

— Как тебя зовут? — тепло спросила она.

— Маса...

— Хорошо, Машенька... А теперь давай-ка мы посмотрим, где ты живёшь, а?

Малютка весело кивнула, ощущая происходящее, как игру, в глазах забегали искорки. Но вот я совсем не так всё воспринимала. Глядя, как Таля взяла ладошки Маши в свою руку, а другой поглаживала девочку по голове, пристально смотря при этом ей в глаза, я вдруг почувствовала дрожь, пробежавшую по телу, странную тревогу. Что-то происходило в этот момент. И хоть Наташа молчала, стало понятно, что она сейчас занята чем-то предельно серьёзным.

И тут я оцепенела. Творилось действие, напрочь ломающее мои устои и представления о привычных вещах. Если честно, было страшновато от эти перемен. Всё страшнее и страшнее, воздух

ощутимо быстро накалялся, уплотнялся, сжимал голову, давил на виски...

В следующую секунду внутри что-то оборвалось. Совершенно не отдавая себе отчета в собственных действиях, я в панике попятилась прочь от магазина, прочь от Тали, замершей на корточках и что-то бормочущей. А ещё через мгновение — развернулась и бросилась бежать. Не хочу! Мне этого не нужно! У меня своя жизнь и переворачивать её вот так с бухты-барахты, с ног на голову не позволю никому.

* * *

Какое-то время я трусцой петляла по улицам, потом, запыхавшись, перешла на шаг и чуть позже — остановилась вовсе. Растерянно смотрела по сторонам, жадно дыша и словно не узнавая родного города. Знакомые места будто виделись мной сейчас иначе, это невозможно объяснить словами... Просто всё стало совершенно другим.

Весело, по-весеннему, чирикали птички, люди шли, улыбаясь и переговариваясь, радуясь раннему потеплению. Я отрешённо смотрела по сторонам, вдыхала запахи свежести, постепенно возвращаясь в себя. Сколько простояла так — не знаю.

Беспокойство и волнение мало-помалу улеглись, состояние чуждости в этом пространстве

испарилось без следа И через какое-то время всё произошедшее казалось уже чем-то далёким, нереальным. А была ли девочка?

В конце концов, решила вернуться, посмеиваясь над собой. Не знаю, чего ожидала, но около магазина никого не было: ни малышки, ни Тали. Добрый ангел решила помочь заблудившемуся ребёнку? Сказочно и наивно, но в данный момент эта мысль спасает мой рассудок.

Ангелы ангелами, а реальная жизнь — это нехилая куча проблем, которые предстоит непременно решить в ближайшее время: зачёт, взаимоотношения с родителями и Лёшей — вот о чём надо думать. А не об ангелах, демонах и других «состояниях человеческих душ».

Ну и пусть я, как сказала Наталья, тоже ангел — что ж, это никуда не убежит от меня. Пусть тогда жизнь так распорядится, чтоб у меня не оставалось выбора... Катя тогда, в машине, сказала, что существование моё будет становиться всё более невыносимым.

Поживём — увидим.

* * *

Купив, наконец, злосчастную бумагу и прочее, я с опаской снова села в маршрутку, но до дома добралась без приключений. Похоже, лимит

их от Судьбы в мой адрес на сегодня благополучно исчерпан на радость моей нервной системы. Гулять уже совершенно расхотелось, родная квартира чудилась издалека такой уютной и желанной...

Сдав отцу покупки, на полуавтомате разогрела обед и нехотя поела одна — оторвать папу от работы в разгар дня нереально, он сам себе делает перерывы, когда появляется свободная минутка.

С конспектами вернулась в комнату и уселась за стол у окна.

В это время суток оно демонстрирует теневую сторону дома, пусть зимой темновато, зато летом солнце не печёт. И вид чудесный — на соседний дом, а не на оживлённую автостраду, как у тех, у кого окна выходят на восточную сторону. Своеобразно, зато не шумно.

Вздохнув, открыла тетрадку, пролистав, сморщившись от обилия специфических терминов. Юрист с меня получится... мягко говоря, сомнительный, если получится. И зачем мне это? От одной только мысли, что работать потом придётся по специальности, передёрнуло: ну уж нет! Вот закончу, будет у меня высшее образование, вождеденное для мамы — и дальше буду по личному усмотрению строить жизнь и распоряжаться своим временем. Найду какую-нибудь работку, не связанную с

юриспруденцией, мне этой, сводящей с ума области, хватило «за глаза» за время учёбы. Буду работать и потихонечку копить на свою мечту. И, возможно, когда-нибудь стану дипломированным редактором. Сниму жильё и буду существовать совсем одна подальше от родителей...

Стоп! О чём это я? А как же планы о свадьбе с Лёшей? Вдруг словно током пронзила мысль о том, что на какой-то миг забыла о нём. Как такое могло вообще произойти? И что вообще творится со мной — отказалась от свидания, в первый раз в жизни! От встречи, которые и так столь редки у нас с любимым, что наверняка обидится. И будет прав.

Я вновь попала в лапы к мучительному чувству вины. Почему другие должны страдать от моих глюков? Надо, в конце концов, быть проще, жить как все, пользуясь теми возможностями, что посылает жизнь и дают родители. У некоторых нет и десятой доли того, что имею я. «От добра добра не ищут» — мудрость придумана давно и стоит к ней прислушаться.

И тут же изнутри поднялась волна раздражения. Почему такое положение дел меня не устраивает? Может оттого, что подсознательно ищу оправдания своей лени и нежеланию проявлять активную позицию по отношению к миру? Вот и сейчас, вместо того, чтоб приступить, наконец, к зубрёжке лекций, отвлекаюсь на всякие

абстрактные мысли. «Если я хочу чего-то добиться в жизни, стать кем-то в обществе — надо идти проторенной дорожкой, по которой шли и идут мои родители» — кредо мамы, вбитое мне с рождения в голову, методично и упорно.

«Ты у нас не от мира сего!» — вдруг вспомнила я слова, что говорила не раз бабушка мне пока была жива. Она говорила это с удивлением и неким восхищением, с ей одной присущей светлой улыбкой, нескрываемой нежностью, покачивая головой и держа меня за руки. Родная, милая бабушка, заменившая мне родителей большую часть детства, никогда не считала блажью и причудами стихи, что я писала, будучи подростком, рассказы и первую наивную повесть на двадцати тетрадках по восемнадцать листов. Она лишь поражалась, насколько я не похожа на её дочь, мою маму, да и на отца тоже. «И в кого ты такая пошла?» — восклицала бабушка, — «не от мира сего...»

Всё ушло, одним махом кануло в небытие вместе с её смертью. Я как-то сразу перестала писать стихи, участвовать в литературных конкурсах, забыла прошлые победы, которым так радовалась раньше. Казалось всё это бесследно испарилось из моей жизни вместе с ней, отмерло — и родилась новая я. Живущая в реальности «надо», вместо привычной «хочу». Ощутившая себя

ребёнком, которого вдруг оставили в чуждом ему мире, и ему теперь придётся дальше идти самому, делая неуверенные шаги наугад, без одобрения и поддержки. И, возможно, это ощущение безграничного отчаянья и привело меня к смирению, апатии, расхотелось идти против мнения окружающих. Гораздо легче оказалось проявлять послушание и позволить родным принимать за тебя решения, безропотно им следовать, нежели спорить. Не хватало душевных сил. Да и теперь я вовсе не была уверена, что кому-то кроме меня нужно моё творчество. А если никому не нужно, то и мне зачем? Лишь осложнять свою жизнь среди тех, кто считает это занятие бесполезным и бессмысленным.

Бабушка, бабушка... ты, по сути, была глотком ключевой воды в душной пустыне моей жизни. А теперь я одна сию среди барханов и спасительного источника больше нет поблизости.

В глазах защипало, а горло перехватил спазм. Но я ещё на похоронах решила, что не буду плакать. Веря в то, что после смерти души уходят куда-то, откуда могут нас видеть и ощущать, я понимала, что мои слёзы, возможно, причинят бабушкиной душе страдания, а потому сдерживала их изо всех сил, последний раз поплавав лишь на кладбище, бросая горсть земли вслед темно-красному бархатному гробу.

Незадолго до её ухода, мы много говорили с ней о смерти, размышляя на эту тему, делились своими соображениями, но так и не пришли к чёткому согласию относительно того, что же там нас все ожидает. Теперь ты, моя любимая, знаешь, что... но нас разделяет грань, которую не преодолеть. В снах видела тебя пару раз и, ясно осознавая, что это не явь, ибо в яви нам уже не поговорить, жадно задавала вопросы. И ты отвечала с улыбкой, что *там* всё так прекрасно, и вы, ушедшие, которых много в ином мире, находитесь в гармонии и в состоянии, схожем с медитативным, оттуда смотрите в наш мир и благословляете его, бесконечно посылая нам свою любовь...

Не знаю, насколько можно верить снам, но как много отдала бы, чтоб хоть на миг соприкоснуться с той стороной, увидеть самой воочию, как душа покидает тело и... куда она устремляется? Что происходит с ней? Увидимся ли мы когда-нибудь с бабушкой вновь?

Но разве это возможно — такое соприкосновение? Увидеть и при этом не умереть, остаться здесь. Вдруг там и вправду настолько хорошо, что по этой причине и закрыта грань непроницаемой завесой: захочется ли после увиденного жить здесь?

С тоской взяла себя в руки и вернулась к лекциям. В голове совершенно ничего не откладывалось, лишь скользила глазами по строчкам, не вникая в смысл. Трудно поверить, что есть люди, которым это действительно интересно. Или хотя бы досконально понятно... Глаза вдруг начали слипаться. На какие только уловки не идёт бедный организм, чтоб не делать то, что ему не нравится.

С силой потёрла ладонями уши. Я слышала, что этот способ используется, чтоб взбодриться: кровь приливает к голове и активные точки, находящиеся на ушных раковинах, массируются, обеспечивая телу тонус.

Вздохнула, с новыми силами уткнулась в тетрадь. И обомлела. Тряхнула головой, опять вгляделась... Ничего не изменилось. В моей тетради царила полная абракадабра, строчки состояли из абсурдного набора букв, бессмысленно выстроившихся друг за дружкой, аккуратно записанных моей рукой, но являющих собой цепочку слов, вовсе ничего не означающих.

«Трапелги, кцстроенит рныеги — апрг чиннот апрушь» — и так предложение за предложением.

Протёрла глаза. То же самое. Принялась судорожно листать конспект, скользя глазами по

строкам — везде то же самое. В замешательстве попыталась даже читать наоборот, та же бессмыслица. Что вообще происходит? Только что ведь всё было читаемо и более-менее понятно!

Закрыла тетрадь. Так... наверное, мозг просто устал от перенапряжения. Да ещё и события утра вывели из привычного равновесия. Лёгкое головокружение словно охотно подтвердило догадку. И что теперь? День потерян? Если срочно не приду в себя, в понедельник Пупс меня «съест». Надеюсь, это временный сбой, а не целенаправленная защитная реакция организма против насилия.

Осторожно приоткрыла тетрадь — ничего не изменилось. Захлопнула и с чувством швырнула на стол. Сердце бешено колотилось, кровь прилила к вискам так, что в глазах потемнело. Помешкав секунду, потянулась к фантастическому роману, лежащему в стороне, открыла дрожащими руками и с лёгкостью принялась читать о приключениях любимых героев, когда-то вышедших из Леса. Остановилась и придвинула к себе учебник по праву, открыла и простонала — книга встретила меня тем же потоком не выговариваемых нелепиц — только печатным шрифтом. Хихикнула нервно: взять бы всю эту абракадабру и выучить, а потом на зачёте заявить Денису Руслановичу:

— А я так вижу ваш предмет, милейший!

Потом, вдруг осенённая, взяла ручку, листок бумаги и начала осторожно писать:

«Жили-были дед и баба...»

Посмотрела на строку придирчиво. Затем принялась выводить:

«Согласно гражданскому кодексу Российской Федерации, субъект, именуемый в дальнейшем, как дедушка...»

Написала и не смогла заново прочесть написанное. Более того, я забыла напрочь, что именно начертала, глядя сейчас на словесный маразм. Понятно... у организма аллергия на любую информацию, касающуюся юридической области.

Вот так и сходят с ума. Интересно, это навсегда? И будет ли развиваться по нарастающей? Хотя куда уж.

Мимолётно удивил тот факт, что я при всём при этом уже довольно здраво рассуждаю, без тени паники. Состояние, охватившее сейчас сознание, было нереальным, сродни ощущению себя в сновидении. А может я и вправду сплю? Но когда успела заснуть, прямо за столом?

Встала, походила по комнате кругами, ощущая лёгкую невесомость, даже ущипнула себя за руку пару раз — вроде бы чувствительность не утратилась, значит, не сплю. Ну здорово, теперь уж всё совершенно необъяснимо логически. В этот момент и подняла свою колючую голову паника. Я

сейчас бы с радостью согласилась зубрить до умопомрачения, лишь бы вернулась способность адекватно воспринимать информацию.

Села на кровать, закрыв руками лицо, задумалась. И вдруг по пальцам щечкуще проскользнуло что-то тёплое. Развела ладони. Солнечный зайчик дерзко и отважно прыгал по лицу, лаская горячим прикосновением щёки, лоб, слепя глаза, словно дразнился, играл.

В поисках источника, обвела глазами комнату, подошла к окну. Посмотрела на крышу соседнего здания, почему-то ожидая увидеть там человеческий силуэт — никого, побродила глазами по окнам, что вровень с нашими, и взгляд мой вдруг замер.

Косые солнечные лучи, освещающие окна сбоку и скользящим своим светом делающие стёкла совершенно непроницаемыми, вдруг потускнели, а солнечный зайчик возобновил прогулку по моему лицу. Прикрываясь рукой на манер козырька, я вычислила наконец, окно, откуда тянулся лучик. Я не видела того, кто баловался с зеркальцем, но в следующий момент меня сильно потрянуло и... Следующее, что помню — ощущение полёта: вверх и вперёд.

Кажется, у меня закрыты глаза.

Распахнула их моментально и едва не задохнулась: так стремительно надвигалось то

самое окно, так быстро, что не успела не то, что понять, каким вообще образом покинула комнату, но хотя бы вскрикнуть. А в следующий миг, с ужасом ожидая столкновения, я каким-то образом прошла сквозь стекло.

И полёт прекратился так же внезапно, как и возник, оставив о себе лишь лёгкий след в виде небольшой тошноты и головокружения.

Я стояла в большой, полутёмной чужой комнате, спиной к окну, ощущая под ногами твердый и надежный пол. Странно, но свет с улицы не освещал полумрака, казалось, будто за спиной уже глубокая ночь, но я не оглянулась, чтоб убедиться, а проанализировала, что имею перед глазами. Кроме меня в комнате находится ещё какое-то количество людей, но все они сгрудились в дальней её части, у кровати. А там, среди подушек, лежит человек. Судя по атмосфере и по виду — тяжелобольной. В комнате царит траурная тишина и лишь редким шепотком переговариваются присутствующие, словно боясь потревожить больного. Мрачная, гнетущая атмосфера витает в этих стенах...

Сердце бешено заколотилось: вот сейчас кто-нибудь обернётся, увидит меня, и что тогда скажу? Как объясню постороннее присутствие?

В эту же секунду крайний человек обернулся и понуро побрёл к окну, я машинально

посторонилась, но он не заметил преграды на пути,
ОН НЕ ВИДЕЛ МЕНЯ.

С широкого подоконника взял стакан с водой (господи, а ведь за окном, похоже, и впрямь ночь!), бесшумно вернулся к кровати. Робко, медленными шажками, я приблизилась вслед за ним и осторожно примостилась с краю, рядом с двумя женщинами пожилого возраста и молодым мужчиной с усиками и печальным лицом. Отсюда было легко рассмотреть лежащего. Крепкий ещё, с виду, старик с пышной седой шевелюрой и такой же белой бородой, черты твердого властного характера все ещё владеют его лицом. Но на нем же и крайнее измождение — печать многодневной борьбы с недугом.

Не осталось и тени сомнений в том, что этот человек умирает. Мутноватые глаза блуждали рассеянным взглядом по присутствующим, ни на ком не задерживаясь. С некоторой обречённостью, но впрочем осознанно смотрел. После такой изнуряющей болезни мужчина находился на пороге смерти в трезвом рассудке.

Мурашки поползли по спине от всей этой гнетущей ситуации, возник порыв уйти: неважно куда, только бы покинуть эту мрачную комнату, обитель скорби, но тут его взгляд остановился на мне.

— Да... — прохрипел он, трудно разжимая

тонкие губы и содрогаясь телом, — это за мной. Я вижу...

— Папочка... — тихо проговорила одна из женщин, склоняясь над ним рядом, хватая за руку, — что ты говоришь?

— Она пришла за мной, — губы старика расплылись в блаженной улыбке, растерянность во взгляде исчезла, они прояснились, — я вижу...

— Кто? Кого ты видишь? Маму?

— Нет... — старику становилось всё труднее дышать и говорить, — проводит... и увижу... покажи мне дорогу...

Умиравший смотрел мне прямо в глаза.

Проследив его взгляд, родственники заоборачивались, но странным образом смотрели словно сквозь меня.

— Дай руку... — попросил старик, — Ангел мой... проводи... помоги...

— Я?

— Ты так сияешь... — лицо старика разгладилось, помолодело, — вижу... совсем не страшно...

Кто-то из родных заплакал навзрыд, царапая ватную плотную тишину.

— Дай руку... — повторил умирающий, — трудно... не вижу пути...

— Я не могу... — прошептала растерянно, ощущая, как что-то тошнотворно ворочается

внутри.

Моя душа потянулась отчаянно, молила повиноваться смутному призыву, но при этом я абсолютно не ведала, что должна делать. Почему этот человек просит о помощи? Чем я могу помочь ему? Куда проводить? Я ничего не знаю о смерти, совершенно ничего! Почему называет меня ангелом?

В голове появился гул, он приближался, нарастал, постепенно заглушил всё, заслонил собой. Я уже не слышала, что бормотал старик, видела лишь его шевелящиеся губы, эти движения — как в замедленной съёмке. А потом... ослепительное сияние огненным сгустком метнулось прочь от кровати, на мгновение осветив полутёмную комнату. А потом свет погас, погрузив всех в ещё более непроглядную тьму. Дрожащая рука бессильно упала на кровать.

Крик, вопль боли, взорвавший тишину. Молодая женщина упала на грудь покойному плача, изливая накопившееся напряжение, всю свою скорбь в слезах.

А я задохнулась на миг от невыносимого ощущения тоски, тоски по миг назад утраченному *нечто*, безвозвратно упущенному, отшатнулась от смертного одра. И в ту же секунду не услышала, а ощутила прямо за спиной дребезжание, вибрацию, переходящую в непонятный треск. Молниеносно

обернувшись, с ужасом увидела, как стремительно покрывается трещинами оконное стекло. Вопль не успел сорваться с губ, оглушил громкий хлопок, хрустальный пронзительный взрыв — стекло разлетелось вдребезги, оросив фонтаном осколков комнату. И в тот же миг полное забвение...

* * *

Я открыла глаза, проглотив рвущийся из горла наружу крик. Тело, только что напряженное, твёрдое, как камень, вдруг обмякло, расслабилось, растеклось, резкой судорогой вышло из него нечеловеческое напряжение.

Я осознала, что лежу на кровати, на боку, под щекой кольнуло что-то неприятно шершавое. Дрожащей от слабости рукой потянулась и вытащила помятую тетрадку с лекциями.

И в это мгновение вспомнила всё.

Подскочила испуганно: который час? Как я уснула, когда? Ведь сидела и добросовестно учила, вернее, пыталась... а потом... что это было? Сон?

Потрясла головой.

Допустим, я всё же задремала от скуки, пытаюсь вбить в мозг ненужную информацию, ну а как оказалась в постели? Я совершенно точно не вставала из-за стола. Ещё какая-то ерунда начала твориться с лекциями, потом солнечный зайчик...

или это уже было сном? Вот дела... Сколько я спала?

Уставившись на настенные часы, успокоилась, стрелки показывали восемь. Вечер. Только что-то не так... Непонятно что, но ощущение неправильности витает в воздухе и ощущается всей кожей.

Всё ещё не понимая, зевнула, потирая глаза, поднялась и нехотя подошла к столу. Ещё немного позанимаюсь Села и замерла, не решаясь раскрыть тетрадку. Краем глаза зацепила листок, ну да, тут я писала про деда с бабой... Подтянула к себе и оторопела. Красной пастой, начертанная размашистым моим почерком, через весь лист красовалась фраза:

«Не трать времени зря. Проявись и выполняй свою миссию!»

Сердце ёкнуло и тревожно заколотилось. Судорожно попыталась вспомнить, когда и как написала это, но не смогла.

Поражённая внезапной мыслью, отбросила листок и метнулась к окну. Стеклянный квадрат напротив темнел непроницаемым четырёхугольником.

Стоп! Если сейчас восемь вечера, то почему на этой стороне нет зарева севшего солнышка, как-то неестественно светло и свет этот не закатный... Словно день прибавился.

Скоро вернётся мама, надо ужин разогреть, хватит себе головоломки устраивать.

* * *

В коридоре столкнулась со сладко зевающим отцом. Он почесал шевелюру и грустно посмотрел на меня.

— Тоже не спится?

Я пожалала плечами недоумённо: мол, рановато для сна, детское время.

А потом замерла на пороге кухни. У плиты мама в переднике поверх халата хлопочет над скворчащей сковородкой. Папа отодвинул меня и шагнул к столу.

— За что люблю воскресенье, так это за то, что моя любимая жёнушка наконец-то дарит семье себя. Безраздельно и на весь день! — по-ребячески довольно улыбнулся он

Воскресенье?!

— Встала? — мама заметила меня и ничем, ни интонацией, ни мимикой не напомнила о вчерашней ссоре, — Лизавета, я всё понимаю, учёба на первом месте, но раздеваться перед сном необходимо. А тем более — принимать душ.

— Я что вот так проспала всю ночь? — спросила невпопад.

— Заучилась, — кивнул отец, — весь день не

выходила, а под вечер мать заглянула, а ты спишь уже в обнимку с конспектами.

Ну, ничего себе...

— Пусть учится, — одобрительно кивнула мама, — осталось всего ничего. А потом вперёд, покорять новые вершины...

Я хмыкнула, подсаживаясь к папе, пододвигая тарелку.

— ...и следующая уже ждёт тебя!

— В смысле? — моя рука замерла на полпути к вилке.

— Место в нашей компании. В общем, так, дочка, — мама со сковородой в руке бойко и аккуратно разложила по тарелкам тушёные овощи, — должность юриста-консультанта уже ждёт тебя.

Волной поднялась в душе неприязнь, захотелось взбунтоваться, я сжала зубы, но промолчала.

— Замечательно, — поддержал отец, он всегда её поддерживал.

Мне захотелось расплакаться, сдерживаться едва хватало сил, и я ткнула от души вилкой в цветную капусту, будто пытаюсь таким образом подавить внутреннюю борьбу. Вот интересно, а если бы я не встретила Лёшу, мне бы мужа тоже мама выбрала?

— Отличное место — у тебя будет свой

кабинет, приличная зарплата, — продолжала мама, не замечая реакции на свои слова, — возможность карьерного роста. С твоим образованием можно в перспективе и до директора дорасти.

Я тоскливо распилила вилкой кусок морковки.

— Будем работать рядышком, я проконтролирую, чтоб твои шаги были наиболее верными и эффективными, ты мне ещё спасибо скажешь, — закончила мама.

Зелёный горошек был безжалостно раздавлен.

— Ай! У меня же конференция! — отец схватил тарелку и, чмокнув по пути маму в нос, скрылся.

Ага, попробовала бы я утащить еду в комнату... У нас с этим строго, должна быть более чем веская причина. Пришлось до конца терпеть «ужин», оказавшийся завтраком.

— Как дела с Лёшей? — словно между прочим поинтересовалась мама, но в следующий момент я поняла причину любопытства, — как ваши накопления? Если бы вы посоветовались со мной, я бы выгодно вложила средства и уже через полгода...

— Мама! Мы сами! — перебила я, стараясь задушить растущее раздражение.

— Ладно, — подозрительно податливо пожала плечами мать, — но всё же?

— ВСЁ ХОРОШО!

— Ну замечательно... Чем займёшься? — мама присела напротив и с аппетитом принялась за еду. Мой же пропал начисто.

— Учёбой... — обреченно проговорила я, поднимаясь, — спасибо, я пошла.

— Умница. Выходной выходным, а повеселиться и погулять ещё успеешь. Учись.

«Успею, конечно, — подумала уныло — когда на пенсию выйду...»

Но я ещё не успела шагнуть в комнату, как догнал оклик мамы:

— Лиза!

Молча вернулась.

— Тебя не затруднит спуститься в магазин за некоторыми продуктами?

Вот всегда, даже дома, она разговаривает каким-то казённым, бездушным, строго официальным языком.

— Не затруднит, — вздохнула я.

* * *

В такую рань сонного воскресного дня наш маленький городок дремал в дружном единодушии тысяч его жителей. Я обошла дом, зашагала по тротуару, вспоминая странное ночное видение. Как раз проходила мимо соседней пятиэтажки, машинально подняла голову и ещё раз взглянула на

целое и невредимое окно. Пожала плечами: мало ли что приснится...

А потом уже заметила машину «Скорой помощи» у подъезда, не выспавшийся водитель хмуро курил рядом, ежась в клубах дыма.

В тот самый момент, когда я поравнялась с ним, из подъезда показались двое в белых халатах, несущие носилки. Следом семенила заплаканная женщина, ведомая мужчиной, бережно сжимавшим плечи незнакомки.

Взгляд мой остановился и замер на носилках: у лежащего, накрытого с головой человека, лишь угадывались очертания лица. Сердце тревожно забилося, я встала, как вкопанная. Сделав вид, что ищу что-то в мобильном телефоне, вся превратилась в слух.

— ... в морге предъявите свидетельство о смерти, что мы выписали, когда приедете за телом, — равнодушно негромко вещал второй носильщик.

Водитель «Скорой» додымил и выбросил окурок щелчком в кусты.

— Подождите! — вдруг воскликнула женщина, стремительно бледнея, — на секунду...ещё раз увидеть папу...

Мужчина, что шёл с ней, не удержал, она ловко вывернулась из рук и подбежала к мертвому, откинула край простыни.

— Папочка...

— Не положено! — строго, но мягко, отодвинул в сторону подоспевший водитель, озираясь по сторонам, вернул простыню на место.

Но одного лишь мига хватило мне, чтоб удостовериться, что именно этого старика я сегодня видела во сне. Вот во сне ли? Несомненно, этот человек умирал перед моими глазами сегодня ночью. И женщину вспомнила мгновенно: она стояла у изголовья кровати, а потом держала его за руку.

Пошатнувшись, попятилась, отвернулась, отошла в сторону. Мысли лихорадочно метались в голове. Значит, всё это реально происходило ночью? В голове не укладывается, как возможно объяснить такое.

Очнулась от раздумий лишь когда «Скорая» уже уехала, а родственники покойного вернулись домой и двор опустел. Я стояла одна на безлюдной улице, даже машины не проезжали. Казалось, весь мир вымер, ни одной живой души не осталось на всей планете.

А я вновь и вновь прокручивала в голове события ночи.

Что бы это ни было — надо забыть, выбросить из головы любое воспоминание, иначе просто сойду с ума. Надо цепляться как можно сильнее за привычную реальность и изо всех сил стараться

удержаться в ней, а сны разума послать подальше и считать совпадениями. Так надежнее.

Как в тумане добралась до магазина, купила всё необходимое и без приключений вернулась домой. Злополучную соседнюю пятиэтажку на этот раз обошла десятой дорогой, хотя она ничем мне не угрожала, подобравшись к своему подъезду с другой стороны. Если уж выбрасывать из головы, то чтоб и зрительного раздражителя не было. Перефразирую: «С глаз долой, из мыслей — вон!»

* * *

А впереди лежало ещё тягостное длинное воскресенье в обществе домочадцев, одного из которых словно и нет никогда, а другая — говорит только об учёбе и работе и лишь в назидательном тоне. Сколько лет мы с мамой не болтали на другие темы? Пожалуй, с тех самых, как я пошла в первый класс.

Запершись, наконец, в комнате, в своем личном пространстве, осторожно открыла конспект и заглянула в него. На сей раз тетрадка порадовала: всё нормально, буквы не складываются больше в причудливую абракадабру, не демонстрируют нечто невразумительное. Мои обычные, привычно занудные лекции во всей красе. А значит, ничего не поделать, придётся приступить. Признаюсь, я в

глубине души слегка надеялась, что мозг снова откажется воспринимать и даст мне по уважительной причине возможность полентяйничать и почитать что-то более интересное.

Подражая отцу, я сегодня весь день выглядывала из комнаты лишь на обед и в туалет, всё остальное время усиленно пыталась впихнуть в голову кучу специфической информации. Мама не могла на нас нарадоваться, изображая домашнюю хозяйку, а я мечтала с тоской, чтоб так было в нашем доме всегда: с кухни доносились вкусные ароматы, и мамин голос что-то напевал в унисон с радио. Не так уж и плохо воскресенье, если на законных основаниях переживать его в своей комнате.

Даже звонок из Москвы Оксанки, собирающейся на концерт, не испортил особо настроения. Ну, подумаешь, не получилось...не смертельно ведь. Окончу учебу, стану успешной и самодостаточной, буду сама заказывать выступления того, кого захочу...на собственной вилле в Майами, нда...

Хихикнула, откинувшись на подушку, замечталась. Жаль, что до воплощения мечт ещё долгий путь надо пройти. Вот бы проснуться завтра сразу богатой и всемогущей! И на личном самолёте рвануть в любую точку земного шара. На любое

мероприятие. Совершенно при этом не думая о деньгах. Чудеса!

Вздыхнула и безжалостно уткнулась усталым взглядом в тетрадь...

* * *

В пустынном холле института было необыкновенно тихо, словно и не понедельник вовсе.

В такой же степени и безлюдно: на глаза не попало ни одного преподавателя. Только жужжащие у окон мухи почти гармонично нарушали хрустальность безмолвия, царившего в здании. Неуверенно пересекла холл — шаги гулко звучали, отдаваясь эхом откуда-то из под потолка — и растерянно принялась подниматься по лестнице на второй этаж. Пару раз остановилась, сомневаясь в целесообразности действия. Может просто вернуться, найти вахтёра и расспросить, почему здесь так пусто? Только уже собиралась последовать этому решению, как сверху бойко зацокали каблочки. А в следующий момент я несказанно обрадовалась: навстречу спускалась моя однокурсница Светка Сметанкина. Платиновая блондинка, всегда и повсеместно подчёркивающая свой исключительно гламурный имидж, она была невероятно смешлива и приветлива абсолютно

одинаково со всеми, каждому являлась доброй приятельницей, воспринималась легким на подъем, абсолютно ни с чего не замораживающимся, человеком.

— Лизка, привет! — весело помахала она рукой.

— Привет... Слушай, а чего так тихо? Где все?

— На зачёт пришла? А Пупсик всех разогнал. Перенёс на завтра.

Ну, нет... Усталая нервная система не выдержит очередного произвола. Ещё одна бессонная ночь? Эта учёба меня доконает.

Видя моё измождённое состояние, Светка приблизилась и тихонько проговорила:

— Но он там, в аудитории, документы заполняет. Ты иди, поговори по простому, тет-а-тет...

— О чём? — вздохнула я.

— Попроси его в виде исключения принять зачёт, — она заговорщически подмигнула, — ну, намекни на благодарность... Он много не попросит. Я влегкую сдала!

Она довольно помахала зачёткой.

Надежда — сладкая приманка. Я прикинула в голове, сколько у меня с собой денег. На какую сумму рассчитывает Денис Русланович? Хватит ли? Не побегу же домой за купюрами. Спросить о

сумме у Светки напрямик не решилась. А та уже, махнув на прощание, убежала, хлопнув внизу дверью.

Вот ведь какой поворот! А каким все его в институте считают принципиальным и кристально чистым, с презрением клеймящим взяточников. Выходит, просто ещё не ловили за руку. Что ж, это выход, куда менее нервотрёпный, чем попытка сдать.

Я, воспрянув духом, двинулась в аудиторию.

Пупс гордо восседал за столом, обложенный кипой бумаг. Весь такой серьёзный, по горло загруженный работой... Не иначе очередная комиссия насела. При моём появлении он не рывкнул как обычно, а лишь мельком глянул из-под очков и вернулся к работе. Судя по всему настроение у препода неплохое, шансы вырисовываются.

— Здравствуйте, можно? — и вмиг оробела.

— Что вам? — буркнул Пупс, не оборачиваясь.

— Я на зачёт...

— Я же сказал, зачёт будет завтра. Ну что за народ? Сначала не сдадут в срок, а потом бегают, отрывают. Для вас, девушка, нет особых привилегий, идите!

— Денис Русланович... — подошла поближе, — а может быть договоримся? Мне очень

надо именно сегодня...это возможно?

Преподаватель оторвался от бумаг и поднял на меня изучающий взгляд. Просканировал с головы до ног так, что мурашки побежали по телу. Сейчас ка-а-а-ак рывкнет во всю силу лёгких! Ка-а-а-ак пошлёт... далеко и по всем известному адресу. Но взгляд его вдруг потеплел, даже, я бы сказала, заблестел жадно. Взятчик!

— Почему бы и нет? — его слащавая улыбочка вызвала тошноту, — подойди...

Полезла в карман за кошельком и шагнула вплотную к столу. Пупс поднялся, наблюдая. А мне вдруг стало так неудобно доставать своё тощее портмоне. Ну почему не удосужилась взять с запасом? Так кто же знал... А в кошельке — курам на смех.

— Сколько вы хотите? — голос предательски дрогнул.

— Ну... за зачёт — всего лишь один поцелуй... Это ж не экзамен... Но и на экзамене, думаю, договоримся...

Голос срывался, будто им овладела одышка, хрипел маслянисто. Только теперь я заметила, что кругленький Пупс, чья лысина находится едва выше уровня моего уха, буквально раздевает глазами, пожирает взглядом. И его подрагивающие потные руки потянулись ко мне...

— Нет! — я брезгливо отскочила в сторону.

Он определённо очень рискует, приближаясь, меня попросту может стошнить прямо в это лицо, лоснящееся от пота, — Денис Русланович... я... не могу так...

Вот Светка! Надо же так подставить! Да и сама хороша, не разузнала подробностей.

— Что значит нет? — изменился в лице, оторопел Пупс, — сама же предложила.

— Я думала, вам деньги нужны... — проблеяла я, в панике теряя рассудок.

— Думала, я взяточник?! — к лицу преподавателя прилила кровь, он ослабил галстук, — мне не нужны деньги! Считаете, за них можно всё купить, так?

Я, неопределённо мотая головой, совершенно дезориентированная, пятилась назад.

— Извините... я лучше завтра приду, вместе со всеми...

— Ну, нет! — рывкнул Пупс, — после того, что ты вынудила меня... согласиться на сделку... у тебя есть два пути: пойти на мои условия, или твоё имя немедленно будет внесено в список на отчисление. Я их как раз заполняю.

На лице Дениса Руслановича заиграла мерзкая самодовольная улыбочка уверенного в результате подонка

— Я никому об этом не скажу, — взмолилась отчаянно, — я учила всю ночь! Прошу, можно

приду завтра?

— Я же сказал! — с нажимом произнёс Пупс, — выбирай. Ну, будешь «сдавать»?

Мне ужасно не понравился упор в интонации на этом слове.

Я обречённо мотнула головой. Представить себе хотя бы гипотетически, что целую его, не могла даже в кошмарном сне.

— До свиданья! — процедил преподаватель сквозь зубы, отступая и опускаясь на стул, — и прощай. Жаль, что добровольно покидаешь институт, но нерадивые студенты нам не нужны. Прилежание и усердие в учебе — залог успеха в будущем.

Он откровенно издевался, упиваясь властью.

В глазах у меня потемнело, в ушах низко, протяжно загудело. Поняв, что упрашивать бессмысленно, я в полуобморочном состоянии отвернулась и побрела к двери. Уже у выхода вдруг поняла: он ведь поступает незаконно. Можно доказать и привлечь его...

— Кстати, знаешь, кто мой родной брат? — вдруг спросил в спину шантажист.

Я остановилась, но промолчала.

— Главный прокурор города. Так что без глупостей. А если вдруг передумаешь...

— Нет, — как в тумане прошелестела я, не узнавая своего голоса.

— Тогда, всего хорошего!

Я захлопнула дверь снаружи и привалилась к ней спиной. Сердце бешено колотилось, а в голове стучал в набат огромный молот. Неужели это правда? Неужто можно вот так распоряжаться судьбами тебе подчиненных людей, твоих учеников?

Тонкий голосок, идущий откуда-то из подсознания, вдруг прозвенел в голове:

— «Тебя же тяготила учёба. Теперь ты свободна! На все четыре стороны. Радуйся!»

— Чему радоваться? — оторвалась от стены и заставила себя двинуться к лестнице, — меня выгонят. Если завтра приду — срежут на зачёте, опозорят перед остальными и всё равно отчислят.

— «Тебя волнует мнение окружающих?»

— Больше родителей... — разговаривая сама с собой, начала спускаться, — мама мне этого не простит.

— «Да уж, мама нашла тебе уже местечко по специальности... Для неё это будет ударом. Таким же, каким было для тебя её сообщение о предстоящей работе».

— Не просто ударом, крахом всех моих надежд на свободу...

— «А ты считаешь, что свободу кто-то должен дарить и обеспечивать? Добудь её сама!»

— Как? — я споткнулась на ступеньке.